

Михаил
СЕРЕГИН

ПУТАНА

**секс не бывает
безопасным**

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Михаил Георгиевич Серегин

Секс не бывает безопасным

Серия «Путана»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167364

М.Серегин: Путана: Секс не бывает безопасным: Эксмо; Москва; 2000

ISBN 5-04-006071-8

Аннотация

Теперь она не Даша, а Дада – шикарная путана, легенда своего города. Решив отдохнуть от трудов праведных, Дада едет в Сочи, но отдых начинается с кошмара: бесследно исчезает ее напарница Анна, а кавалера Анны находят в номере с перерезанным горлом и... выпотрошенным. Дада – опасный свидетель и поэтому обречена. Синдикат, торгующий человеческими органами, открывает на нее охоту. Единственный способ уцелеть – убивать самой. Дада тоже выходит на тропу войны.

В сборник входят повести «Рубиновый воздыхатель» и «Первая гастроль» из цикла «Путана».

Содержание

Путана: Рубиновый воздыхатель

4

Конец ознакомительного фрагмента.

107

Михаил Серегин

Секс не бывает безопасным (повести)

Путана: Рубиновый воздыхатель

*Злое не впрок; над проворством
здесь медленность верх одержала;
Как ни хромает Гефест, но поймал он Арея,
который
Самый быстрейший из вечных богов, на Олимпе
живущих...
Гомер. «Одиссея»*

Золото. Его здесь было много. Так много, что хватило бы на всю оставшуюся жизнь. Каково стоять среди сокровищ и постоянно подавлять в себе желание дотронуться до прелестного кольца, усыпанного бриллиантами и сделанного, как сказано на табличке, из золота девятьсот девяносто девятой пробы. Глаза алчно перебегают дальше. Бабочка. На кончиках ее усиков крохотные брюлики, а крылышки набраны из сапфиров. Само тельце – чистая платина. Сорок целых и двадцать три тысячных грамма весит только металл. А еще ведь и камней... Это, наверное, баснословно дорого?

Подвески! У Дарьи перехватило дух. Она пошевелиться не могла. Под толстым стеклом лежит безделица, которую пристало носить лишь королевам. Сочетание трех огромных рубинов, вмонтированных в золотую оправу, сводит с ума. Подсветка так удачно поставлена, что вещь играет.

Оторвавшись от созерцания красивых безделушек, Дарья оглядела выставочный зал, подыскивая жертву – желательно молодого, солидно одетого джентльмена, который не прочь был бы потратиться на даму.

Вот он: высокий, широкоплечий, в наглаженном костюмчике. Склонился над витриной с бабочкой, которую она успела уже рассмотреть.

– Прелесть, правда?

Он повернулся. Аккуратно пострижен, высок, немного сутуловат, мышиный костюм-тройка, галстук: сочетание синего и зеленого, а на нем заколка, бьющая в глаза своим великолепием. Кроваво-красный камень манит к себе удивительной чистотой. Она оторвалась от украшения и посмотрела ему в глаза: карие, больше хитрые, нежели умные.

– Отличные вещи.

– Да, только и осталось, что смотреть.

– Ну почему же. – Он надел очки, которые, как оказалось, были у него в руке, и склонился над витриной. – Вас, судя по всему, произвели на свет в Саратове, не скажу когда именно, а то, чем я сейчас любовался, сделано в Екатеринбурге, в прошлом году.

– Неужели? – не поверила Дарья. – Откуда вы знаете?

Он посмотрел на нее, чуть прищурившись.

– Я ювелир. Точнее, нет, не ювелир, не мастер, а торговец.

Дарья мысленно выставила себе оценки за выбор клиента: 6.0, 6.0, 6.0, 6.0, 6.0, 6.0 – все судьи – женские ее комплексы и страхи – единогласно поставили наивысшие баллы.

– Вы здесь по делам?

Она и сама не заметила, как уже вовсю стала общаться с ним. Он просто приятный, не скользкий, не гадкий. Положительный, спокойный, рассудительный. Голос мягкий: баритон, бу-бу-бу, бу-бу-бу. Дарье нравилось. Он не был похож на тех загнанных мальчиков-студентиков, которые лишь кидают взгляды на твои ножки и жуют сопли, не решаясь подойти и попытаться заговорить.

– Как сказать, вряд ли что-то из того, что здесь выставлено, можно продать. У нас здесь все же провинция. Состоятельных людей не так много. Думаю, из тридцати экспонатов, что привезли сюда из столицы, местные граждане осилят десятков, да и то возьмут что подешевле.

– Интересно, значит, вы знаете настоящую цену всему этому?

Он с легкостью согласился с ней.

– Мне понравилась эта бабочка, она такая большая.

– Тысяч сто стоит, самая дорогая здесь вещь.

– Долларов?

– Посмотрите, на краях золотая нить, обрамляющая сап-

фиры, на ней бриллианты. А тельце бабочки... Ее глаза, сами усики.

– Ой, я не заметила. – Дарья аж рот открыла, склонившись над стеклом так низко, что почти касалась его своим носом. – Какая прелесть! И лапки, и усики тоже усыпаны камешками.

– Очень тонкая работа, и наше счастье, что мы можем видеть это воочию.

– Здорово.

– Меня зовут Антон.

– Дада, простите, Дарья, – тут же поправилась она.

Он едва улыбнулся.

– Не хотите пообедать со мной?

Дарья не стала себя спрашивать, зачем она это делает. Ответ ей давно был известен: она зарабатывает на жизнь.

– Может быть.

– Тогда давайте оставим это и поедем заниматься чревоугодием.

Они вышли из музея, где выставлялись экспонаты из Голубого Зала России, и сели в серебристый «Хьюндай».

– Красивая машина. – Комфорт салона действовал расслабляюще, к тому же надо было о чем-нибудь говорить.

– Спасибо. Куда поедем? – Он глянул на нее точно так же, как она совсем недавно смотрела на ту бабочку под стеклом.

Их роман – взаимовыгодное сотрудничество: любовь в обмен на деньги – продолжался уже почти месяц. Дарья совсем забросила учебу в мединституте и большую часть своей жизни стала уделять стройной фигуре.

Мать не находила себе места: приближалась летняя сессия, но Дарье до нее не было никакого дела. Если зимнюю она осилила еще кое-как с двумя пересдачами, то на следующую, восьмую по счету, Нина Ивановна уже не строила никаких планов.

Ей трудно было убедить дочь в том, что учеба имеет хоть какой-нибудь смысл.

В их доме стало намного уютнее. Новая бытовая техника заполнила квартиру и существенно облегчала жизнь. Дарья теперь под шумок смогла реально потратить то, что было у нее в заглазнике от предыдущих приключений. Пусть у матери создается впечатление, что у дочки очень уж щедрый кавалер. Антон действительно не был жадным и за месяц потратил на нее пару тысяч долларов. Из своих Дарья потратила еще пять, и теперь у них был и огромный холодильник, и стиральная машина, и новенькая плита... В общем, все-все-все, о чем мечтает любая хозяйка.

Нельзя сказать, что Нина Ивановна горела желанием узреть Антона, но отзывы дочери о нем настраивали на сози-

дательный лад. Ведь ее душе перевалило за двадцать, и она рассчитывала, как, впрочем, и все матери, у которых взрослые дочери, рано или поздно получить диплом тещи.

Дарья однажды набралась смелости и вечером приехала домой на новенькой «девятке».

– Мама, он подарил мне машину! – Не могла же она признаться, что это на деньги, которые она заработала, разыскивая наркотики.

Мать восприняла это сообщение несколько настороженно.

– Но это очень дорого...

– Он меня любит! И устраивает мою жизнь. – Она, словно коза, прыгнула на диван и поджала под себя ноги. – Посмотри на улицу, цвет тебе должен понравиться.

Нина Ивановна оторвалась от телевизора и выглянула в окно. В мае темнеет поздно, и в восемь вечера света еще достаточно.

– Вишневая, – тихо прошептала мать. – Тебе в самый раз. – Нина Ивановна и не заметила, как утратила свою напыщенность и суровость.

Дарья подбежала и чмокнула ее в щеку.

– Вот видишь. Я же знала, что тебе понравится.

* * *

Они сидели в ресторане гостиницы «Волга» и негромко

беседовали о видах на лето.

– Я планировал съездить с тобой куда-нибудь за границу – на Кипр или в Грецию, – но, похоже, ничего не выйдет. Придется довольствоваться Сочи.

– Но это же здорово! – громко воскликнула Дарья, не сдержав эмоций. Ей с ним всегда и везде было хорошо.

Антон уже привык к несколько эмоциональной оценке всего происходящего и столь бурное выражение радости воспринял вполне спокойно: стал с еще большим усердием поглощать пельмени, на Дарьин вкус, слишком уж наперченные.

– А когда мы поедем?

– Надо подождать, пока вода прогреется, – разумно заметил ей бойфренд, продолжая с аппетитом набивать желудок.

– А почему не едем за границу?

– Дарья, у меня же работа есть, – вдруг неожиданно и резко осадил он ее.

– Что-то случилось, да?

Он покачал головой и в полной тишине добрался до финиша. Когда весь заказ был уничтожен, они поехали к нему домой.

По дороге чуть не врезались в автобус, что ничего, кроме неприятностей, не принесло бы. Антон рискованно подрезал, и Дарье пришлось попросить его вести потише.

Она видела, что он нервничает, и надеялась, что дома он выскажется.

Четырехкомнатная квартира на двенадцатом этаже вобрала их в себя, окружила комфортом и спокойствием.

В спальне у него стоял огромный аквариум. Ей нравилось смотреть на рыбок после занятий любовью – в этом было что-то дикое, доисторическое. Будто живешь на острове, посреди дикой природы. К тому же в доме было много горшков с разной зеленью. Кактусы, по признанию Антона Игоревича Барова, не вызывали у него восторга, а вот большие цветы, особенно вьющиеся, по мнению хозяина квартиры, создавали спокойную обстановку. Она соглашалась с ним, не замечая, что соглашается во всем.

Ей хотелось любви, и, не дожидаясь, когда он освободится от костюма, Дарья прилипла к нему губами.

Спотыкаясь и смеясь, они добрались до двуспальной кровати и уподобились кроликам. Он был нежен. Но страстью и азартом нынче и не пахло. Дарья почувствовала где-то на середине, что сегодня он просто отбывает номер. Ей пришлось взять инициативу на себя и довести дело до конца.

Отдышавшись, она с удивлением смотрела на него.

– Да что с тобой, милый?

В голосе были обида и раздражение.

Он снял ее с себя и уложил рядом.

– Знаешь, Даша, бизнес – это такая вещь, ну... как тебе объяснить?.. Сегодня ты на подъеме, завтра катишься вниз, потом опять лезешь вверх.

– Значит, для тебя наступило завтра?

– Я бы даже сказал послезавтра.

– Расскажи. Ведь мне больно смотреть на тебя, когда ты в таком состоянии. – Она обняла его и смачно чмокнула в щеку, как бы подбадривая.

Он внимательно посмотрел на нее:

– Вряд ли ты налоговый инспектор или работник таможни. Думаю, что никакого отношения к отделу по борьбе с экономическими преступлениями ты тоже не имеешь.

– Нет, я просто девочка, просто девочка.

– Ничего страшного, во всяком случае для тебя, не случилось. – Он не менее звонко чмокнул ее в ответ и сел, уставившись на двух огромных скалярий, плывущих по делам из одного конца аквариума в другой.

– Не томи, – стала она трясти его за плечо, – давай выкладывай. Я же тебя знаю. – А вот это была ложь. – Ты ведь все равно не сможешь долго отмалчиваться.

– Да зачем это тебе надо? – он уже не возражал, а так, легонько отбрыкивался.

– Во-первых, я женщина. – Она встала на кровати во весь рост. – Ты видишь? Я молодая красивая женщина.

Он не мог долго смотреть на нее, ничего не предпринимая, и чмокнул ее в пупок.

– Щекотно! – Она едва не лягнула его, уворачиваясь. – Потом, я твоя любовница, а это тоже чего-то стоит. И кроме того, может, я смогу помочь. Так что перестань кривляться и выкладывай все как есть.

Сейчас ей предстояло наконец узнать, чем же занимается Антон. То, что у него в Саратове ювелирный магазин, она знала и даже была в нем. Но так как он заглядывал туда от силы раз в неделю, Дарья сделала очень даже правильный вывод, что существует нечто, из чего, собственно, и делаются деньги.

Упав вновь рядом с ним, она запустила свою маленькую ладошку в его волосы на груди и, положив голову на плечо, замерла, приготовившись слушать.

– Ты развяжешь язык кому угодно, – признался он, начиная легонько пощипывать ей спину.

– Да, да, да. Давай, дорогой, не стесняйся. Здесь все свои, включая рыбок.

– Времени у нас много, поэтому начнем с самого начала. Мой отец, пусть будет земля ему пухом, дослужился в свое время до второго секретаря горкома партии. Занимая столь солидное положение, он мог позволить себе выезжать за рубеж. Не знаю, как уж получилось, но больше всего, раз, наверное, семь или восемь, он мотался в Индию.

Из первой поездки он привез какие-то маски, медные графинчики... в общем, ерунду, которой пичкают туристов со всего мира. Потом, где-то через год, вновь отправился туда же, в Мадрас, кажется, на месяц. Приехав, снова распределял по дому какие-то коврики, чашки, скульптурки. Но, как мне кажется, именно из второй поездки он привез золото.

Через месяц купил себе «Волгу», а моей матери – пре-

красную длиннополую соболью шубу. Лет в десять я наткнулся на несколько красивых колечек, которые лежали в небольшой, обтянутой бархатом коробочке в столе у матери, вместе с пудрой, помадой и другими дамскими вещичками.

Мать, увидев, что я откопал, пришла в ужас и быстренько отобрала все. Отец об этом случае так и не узнал. Но потом, сколько я ни старался, уже не мог ничего найти.

Перестройка бушевала вовсю, а батя день за днем угасал. Рак медленно съедал его. Мы пришли с ним в гараж, где стояла уже другая «Волга» – поновее, посовременнее. Но дело не в ней. Я отодвинул от стены ящик с инструментами – сам он уже этого сделать не смог, – затем отец взял молоток и сдолбил штукатурку.

Вмурованный в стену ящичек оказался доверху набит золотыми украшениями, причем все изделия – серьги, подвески, колечки – были датированы прошлым веком, а то и раньше.

Как ему досталось все это, я так и не узнал. Оценив, насколько все это тянет, я вначале пришел в восторг, а потом в ужас. Постепенно здравый смысл брал верх. Реализовав парочку вещиц, я очень скоро стал известен покупателям и продавцам на черном рынке дорогих безделушек.

Когда иссякла половина всего папиного клада – а он уже к тому времени два года как умер, – я задумался о жизни и начал свое дело.

Вот все, что касается предыстории. На данный момент я

объехал весь Восток и не боюсь сказать, что мне встречались вещи посерьезнее той бабочки, которой ты восхищалась в день нашего знакомства.

– Вот здорово, и что же дальше?

– Дальше мне захотелось зарабатывать больше, и уже в Турции я познакомился с одним дельцом, который был заинтересован в том, чтобы я продавал здесь то, что он добывал там. Чтобы тебя не надули, ты должен знать все и даже больше о камнях, металлах, о ювелирных династиях. Я учился, просиживая ночи напролет, продолжаю делать это и сейчас. Турок поставлял мне товарец средней паршивости, радуясь, что я расплачиваюсь с ним сразу. В последний мой приезд... Помнишь, я пропадал дней на пяток?

– Ага. – Она еще плотнее прижалась к нему, предвкушая самое интересное.

– Так вот, я прилетел в Стамбул и отправился к нему. С собой у меня была карточка «Виза». С помощью нее я расплатился за небольшой дом, который он давно хотел купить. В обмен на это он отдал мне древнюю индийскую статуэтку «Рубиновый воздыхатель».

– Красивое название. Где она сейчас?

– Постой, не гони. Я бы даже сказал, что это не статуя, а композиция, выполненная из цельного самородка. Мужчина сзади женщины, он готов к совокуплению... Автор этой работы обладал чувством юмора, фаллос у мужика – огромный рубин. Я заплатил за нее аккурат восемьдесят пять ты-

саяч долларов и остался без сбережений.

– Как же ты провез ее сюда?

Он, шутя, заткнул ей на мгновение рот.

– Как я ее ввез, рассказывать не буду. Меньше знаешь – дольше живешь. Главное в том, что она пропала.

– Как! – вырвалось у нее. – Это же так дорого. Неужели ты даже в сейф ее не положил?

Он несколько смутился.

– Почему... Она лежала у меня в магазине, там круглосуточно охрана, и я доверяю... доверял своим людям. Полез сегодня взглянуть на красоту, но в сейфе ее не оказалось. Доступ к сейфу, как я до этого был уверен, был только у меня и у Дениса – он старший продавец. Я аккуратненько отвел его сегодня в сторонку и поставил перед фактом. Он не смог сказать мне что-нибудь вразумительное. Пришлось все, что не находится в розничной продаже, плюс кое-какие бумаги в срочном порядке перевезти в банк, пока не поставят новый, еще более мощный и хитроумный ящик.

– И за сколько ты рассчитывал продать этого «Воздыхателя»?

– Не менее ста тысяч. Он очень тяжелый, а фаллос у него столь велик, что страшно брать композицию в руки, не опасаясь того, что он не отвалится.

– Я хотела бы увидеть, – обвила она его шею, – как там он собирался взять ее, ты не помнишь?

Она игриво завертела задом, и Антон купил ее с потроха-

ми.

В этот раз вышло очень даже неплохо. Появились и страсть, и напор...

– Что ты думаешь делать? – Она улеглась рядом с ним на кровати и закинула руки за голову.

– Не пойду же я с этим в милицию. У меня и так неприятности с налоговой, а здесь еще пропажа столь дорогой вещицы, непонятно каким образом оказавшейся в центре России и – что самое интересное – в моей собственности.

– Слушай, а в сейфе у тебя было еще золото?

– Да так, можно сказать, что ничего. Все в основном на витрине.

– А я думала, что на ночь все убирают...

– Я не заглядывал в магазин неделю, и, так как больше ничего из товара не исчезло, можно предположить, что украли либо среди бела дня, либо – под заказ – ночью. Но что тогда делал охранник – непонятно. Уволю всех до единого, – сквозь зубы пообещал он сам себе.

– Не торопись, всех распугаешь. К тому же интересно, отчего Денис не сообщил тебе о пропаже.

– А он и не знал. В сейфе два отделения: одно большое – для товара, второе маленькое – мое личное.

– Понятно, «Воздыхатель» лежал в личном. И старший продавец даже не был поставлен об этом в известность?

– Разумеется. Не думаешь же ты, что я стал бы хвастать этим перед кем-нибудь из служащих.

– А ключ от твоего личного отделения был только у тебя?

– Ну да. Не зря же внутри сейфа делают еще один. Это удобно.

Дарья села на кровати и заставила смотреть себе в глаза, нежно повернув к себе его голову.

– А если я попробую найти пропажу?

– Ты что, сыщик?

Она смутилась.

– Перестань, душка, если со времени кражи прошли даже сутки, ты уже вряд ли найдешь что-то. А узнавать, кто именно это сделал... Меня не интересует человек, совершивший кражу. Мне нужна сама вещь.

– Знаешь, я тебе не рассказывала... «Девятка»... Ты почему-то не удивился.

– Ты не права, я заметил, что машина абсолютно новая, но не стал задавать вопросов.

– Несколько месяцев назад я смогла найти партию героина, и за это один местный «крестный папа» отвалил мне шестнадцать тысяч.

– О-о-о, – протянул он. – Ты у нас, оказывается, бой-баба.

– Ты обиделся. – Она набросилась на него с поцелуями. – Мне были приятны твои подарки, и вообще ты славный. Я хочу помочь тебе по мере сил и возможностей.

– Тогда начнем вести следствие прямо с завтрашнего утра.

«Опергруппа» выехала на место преступления в двенадцатом часу дня, вся перетраханная и обожравшаяся баранины, которую умело готовил голозадый Антон, прыгая около духовки.

В магазине, к удовлетворению хозяина, было человек десять потенциальных покупателей, которые рассматривали содержимое витрин, изредка тыкая в них указательными пальцами.

Магазинчик был маленький, и это в общем-то небольшое количество страждущих золота вполне смогло создать видимость толпы.

Они кивнули продавщице и охраннику, прошли в служебные помещения, состоящие из туалета и двух крохотных комнаток с низкими потолками. Одна из них была личным кабинетом Антона, в котором и стоял сейф, а вторая находилась в распоряжении бухгалтера и служащих.

Дарья села за «ноутбук» в его кабинете и принялась раскладывать пасьянс, в то время как хозяин магазина отправился в торговый зал.

Он вернулся через минуту без лица.

– Денис будет через полчаса, пошел обедать. Наши действия?

Она оторвалась от игрушки:

– Покажи мне сейф.

– Да, мисс Марпл. Сколько часов вам понадобится на то, чтобы отыскать пропажу? Пять, шесть или, о ужас, все восемь?

– Думаю, сто восемь, мистер Баров, можете засекайте время. – Она встала и подошла к железному ящику, вмурованному в стену. – Открывайте, мистер, – потребовала Дарья. – Я даже без каких-либо приспособлений могу сказать, что этот сейф открывали его родным ключом.

– Что, на самом деле?

Дарья смутилась, поздно поняв, что для Антона все это весьма серьезно и шуточки здесь неуместны.

– Я не знаю, – тихо призналась она. – Я пошутила. Но ты ведь считаешь нужным хоть что-то предпринять.

Дарья села на стол и раздвинула ноги, демонстрируя отсутствие трусов. На сегодня Антон был сыт ею по горло и лишь жестом попросил прекратить его тревожить.

– Сколько было ключей от сейфа?

– Два. Один у Дениса, другой у меня. Но от моего отделения только один.

– Можно ли сделать дубликат от основной дверцы?

Антон передал ей небольшую связку ключей, отцепив цепочку от брюк.

– Самый большой, – подсказал он.

Дарья повертела в руках слесарное чудо с кучей замысловатых бороздок и зубчиков с обеих сторон.

– Как будто из сказки. Какой хитрый. Но с него же можно снять копию. Правда, нужен очень хороший мастер.

– Да, причем такой, который сможет сделать и заготовку. Работа долгая и кропотливая. Надо было ставить с кодовым замком. Да с деньгами было туговато, я тогда только открывался.

– А сигнализация у тебя есть?

– На сейфе ничего не стоит, а дверь и витрина – под датчиками. Да у меня человек все время внутри! – не выдержал Баров. – Как могло произойти такое?!

– Вернемся к замкам, – напомнила Дарья. – А какой из ключей открывает твоё личное отделение? – За все время знакомства Дарья выучила только ключ от квартиры. А тут их на связке было шесть штук.

– Может быть, ты сначала откроешь сейф?

– Можно? – Она не сомневалась, что он разрешит ей покопаться немного в его коммерческой жизни.

– Нельзя! – вдруг резко рывкнул он, так что она напугалась. – Но это другим нельзя, а тебе можно. – Улыбнулся, отчего она сразу оттаяла.

– Ты самодовольный, эгоистичный тип, – произнесла Дарья без злости, направляясь к сейфу.

Ключ вошел легко и провернулся против часовой стрелки без затруднений.

– Еще оборот, – подсказал он. – А теперь еще.

Дверь плавно отошла в сторону. По объему сейф был

небольшим. В него уместилась бы коробка бананов или ящик водки, но не больше. Третью объема занимало частное отделение Барова. В служебном отделении не было ничего. Дарье стало даже обидно. Открываешь сейф, а внутри ничего нет.

– Не удивляйся, что он пустой. Весь товар на прилавке. К двум часам должны подвезти новый ящик. Теперь ключи будут только у меня.

– Разумно, – согласилась Дарья.

– Тебе осталось подобрать ключ к маленькой дверке.

Скважина для ключа представляла из себя маленькое круглое отверстие. На связке был только один ключ, который мог подойти.

– Я думала, это от гаража.

– Ну, для гаражного замка он очень мал, а в принципе, здесь примерно такой же замок, какой ставят на гаражи. Попробуй...

Ей приходилось обращаться уже с чем-то подобным. Когда та часть, которая будет непосредственно соприкасаться с механизмом, крутится вокруг своей оси. К такому ключу надо приноровиться. Дарья не ожидала, что у нее получится. И не получилось.

Она аж язык высунула от старания, но дело не двигалось.

– Я тоже вчера мучился. Ничего не получается, правда?

– Но как же ты открыл дверцу?

Он подошел, попросил отойти, взял ключ и, так как он

находился в состоянии, в котором его никак обратно не извлечешь, резко дернул на себя. В итоге дверца болталась на ключе вместе с замком.

Внутри тоже было пусто.

Она смотрела то на бесполезную дверцу, то на зияющую черноту.

– Они раскурочили дверцу, которая здесь была, и поставили на ее место новую уже с другим замком. Времени на то, чтобы как-то закрепить ее, у воров или вора не было. Это дверка от другого сейфа точно такой же модели. Тот, кто это сделал, знал, что я заглядываю сюда не каждый день, а Денис не должен был даже прикасаться к ней. У них не было ключа, но он им и не понадобился. Я думаю, что тот, кто сюда лез, был здесь и знал, что ему надо делать.

– Может быть, кто-то подробно описал вору все детали и тот уже просто-напросто попал в яблочко, – предположила Дарья.

– Вообще-то я запираю кабинет, правда, войти сюда можно без особых проблем. Дверной замок ничего особенного из себя не представляет. Обычный английский.

– Вызывали, Антон Игоревич? – В кабинет без стука вошел ровесник Барова.

– Проходи, садись.

С Дарьей старший продавец уже был знаком визуально, и поэтому ей достался вежливый кивок. Она ответила тем же и скрестила руки на груди, приготовившись внимательно

слушать.

– Давай, Денис, – предложил Баров, делая ударение в имени старшего продавца на первый слог, – рассказывай, как прошла у тебя неделя с той среды до вчерашнего дня... Если память не изменяет мне, вчера тоже была среда, так что от среды и до среды.

Служащий провел ладонью по лбу, утирая пот и одновременно приглаживая черные волосы. Лицо его постепенно бледнело, и казалось, будто черные усы все больше проявляются. Процесс напоминал изготовление фотокарточки. Может, это еще освещение такое, Дарья не могла понять, но это ее явно позабавило, а вот Денису было не до смеха.

– Вы приходили в среду, – начал он, вымучивая факты, – затем я, как всегда, остался за старшего.

– Ну-ну-ну, дальше, дальше. – Баров нетерпеливо барабанил пальцами по столу.

– Пока я здесь, сюда никто не мог войти.

– Вот именно, время обеда у вас строго определено с часу до двух, почему вы в рабочее время уходите куда-то, когда магазин полон потенциальных покупателей?

Он давил на работника, и Дарья считала это правильным. Денису нечего было отвечать.

– Постарайтесь припомнить, когда вы отлучались. Кроме того, я напоминаю вам, что при приеме на работу было оговорено, что вы обед приносите с собой из дома и обедаете здесь. После чего остаетесь в торговом зале, пока обедает

Валя. У нее на отдых также не менее часа. За что я вам плачу? За то, что вы меня кидаете здесь через одно место?!

Баров разошелся и перешел на повышенные тона. Дарья поспешила успокоить его. Хотя можно ли успокоить человека, который потерял сто тысяч долларов?

– Я не нарушал графика, и только сегодня мне нужно было отойти, – оправдывался Денис. – Всего на час, жена болеет.

После такого получалось, что шеф перегибает палку.

– Пригласите сюда охранника, который там сидит у нас, пусть ненадолго оставит свой пост.

Пришел охранник – мужик за пятьдесят.

– Вы не можете припомнить график, по которому работаете? Там что-то у вас все сложно.

Мужик знал, что перед ним шеф местной конторы, и согнал с лица обыденную суровость.

– Смена у нас – шестнадцать часов. Отдежурил, затем двое суток дома.

– И сколько человек от вашего агентства работает здесь?

– Четверо.

– Ясно, спасибо, это все. Пригласите сюда продавщицу на несколько минут.

Охранник ушел.

– Денис, я прошу тебя держать язык за зубами. Ситуацию ты знаешь, поэтому не обижайся.

– Я все понимаю, Антон Игоревич. – Он даже показал, как он «понимает»: одновременно кивал головой и пожимал

плечами.

Старший продавец ушел, а его место на стуле заняла немного располневшая женщина лет сорока. Она, впрочем, как и охранник, не знала, что из кабинета шефа была совершена кража, и поэтому относилась ко всему весьма флегматично.

– Вам не тяжело работать с Денисом? – начал издалека Баров.

– Да нет, мне кажется, он очень исполнительный. Вы знаете, я сменила до вас несколько мест работы, и редко где встретишь таких людей, как он. А вы хотите его куда-то на повышение от меня забрать?

– Пока нет, – успокоил Антон. – Пусть еще поработает.

– Это хорошо, – вставила от себя Валя, – а то с охранниками даже и поболтать не о чем. Все они какие-то надутые.

– На работе надо работать, – тут же вспыхнул хозяин, – а флирт оставьте для улицы.

Она немного обиделась. Но чего ожидать, когда тебя вызывают к директору? Пусть даже не на ковер, а так, на маленький коврик, все равно неприятно.

Кстати, Дарья, будучи особой молодой и привлекательной, плохо себе представляла, как можно заигрывать с мужиками, обладая столь скверной фигурой. Она еще плохо усвоила одно житейское правило, что успеха в игре добивается не тот, кто наблюдает с трибуны, а тот, кто играет.

– Скажите, Валя, вы никуда не отлучались из магазина на

этой неделе? – Антон попытался произнести это очень ровно, без эмоциональных подъемов и спадов.

Поскольку женщина молчала, он был вынужден продолжить:

– Обещаю, что не уволю вас, но оставляю за собой право применить к вам все остальные меры воздействия вплоть до урезания или лишения зарплаты за тот день, когда был совершен проступок. Согласитесь, вы не слишком много потеряете, разумеется, если вам есть что сказать. Другое дело, если я сам установлю истину... В этом случае вы будете уволены.

– Он вам все рассказал, да? – Она шмыгнула носом, и на глазах у нее появились слезы.

– Я хочу услышать от вас, – строго произнес Баров.

– Мне пришлось отойти ненадолго. Пришла подруга... – Она уже почти ревела, и это не доставляло удовольствия ни Дарье, ни Антону.

– Перестаньте, – мягко попросила Даша, – вас же не собираются увольнять.

Продавщица несколько воспряла духом:

– Пришла подруга и сказала, что сейчас у нее в офисе сидит мужик, который может по дешевке достать стройматериалы. Меня не было с полчаса.

– В какой день это было? – Баров открыл записную книжку и приготовился записывать.

– В пятницу.

– Время?

– С без пятнадцати одиннадцать до пятнадцати минут двенадцатого.

– Хорошо. Можете рассказать что-нибудь про Дениса? Он, кроме сегодняшнего дня, отлучался с работы?

Получалось, что ей предлагали своеобразный вариант места. Заложили тебя – заложи и ты.

– Нет, ничего не припомню. Он только вот сегодня. Наверное, он, когда оправдывался, сгоряча сказал про меня.

– Вы о чем?

– А Денис разве... – Она замолчала, потом резко поднялась со своего места. – Я могу идти?

– Да, конечно-конечно.

Антон не удержался от замечания:

– Бедняжка перенервничала и сдала сама себя. Уволю всех троих к чертовой матери через месяц.

– А кто третий? – не поняла Дарья.

– Бухгалтер, Клавдия Евгеньевна Польская. Пока ты здесь сидела, я узнал, что она на месте, и сейчас нам предстоит потолковать с ней. Она-то увольнения не побоится. У нее еще две какие-то фирмы.

Аккуратная дама за пятьдесят медленно вошла в кабинет и поверх очков посмотрела вначале на Дарью, потом на шефа.

– Добрый день, Антон Игоревич, – мягко поздоровалась она и села напротив директора. Клавдия Евгеньевна была

одета в темно-лиловый деловой костюм. В руках у нее по привычке были большой блокнот и ручка.

– Скажите мне как на духу, Клавдия Евгеньевна, заходил ли в мой кабинет кто-нибудь на этой неделе?

– Только Денис. А что, пропало что-то?

Дарья была уверена в негативной реакции Барова на то, как кто-то пытается сунуть нос не в свое дело, но ошиблась.

– Просто меня смутило, как туго стал проворачиваться ключ. Нам придется менять замок. Скажите, вы здесь целую неделю?

– Я прихожу, ухожу, но работается мне у вас лучше, чем где бы то ни было. Хорошие условия.

Барову понравилось.

– Стараемся. А вместе с Денисом вы никого здесь не видели? Ну, мало ли, знаете ли... Пришел с друзьями, вошел в кабинет шефа, сел на мое место.

– Нет, ну что вы. Я даже подумать такого про Дениса не могу. Он очень аккуратный мальчик, и ему все удастся в вашем бизнесе. Однажды я видела, как он разговаривал с каким-то покупателем, и, надо сказать, была удивлена, что можно знать так много об украшениях, но главное – о каком-то колечке он говорил с таким интересом...

– Правда? Вот уж никогда не замечал, что старший продавец интересуется ювелирными изделиями всерьез. Мне казалось, ему все равно, чем торговать: автомобильными покрышками или серьгами.

– Ваши реальные доходы растут от месяца к месяцу, и я бы поощрила его за хорошую работу.

– Непременно. Я так и сделаю.

Когда бухгалтерша ушла, Дарья решила немного поддеть Антона:

– Как она тебя: «Я бы поощрила его за хорошую работу» – здорово сказано. Тебе надо прислушаться к ее мнению. Ты появляешься в магазине раз в неделю, а она практически находится здесь постоянно. К тому же для Клавдии Евгеньевны ты только один из трех клиентов, которым она помогает жить. Вряд ли ты потерпел бы «я бы...» от Вали или Дениса.

– Все ты говоришь хорошо, вот только в торговом зале она не сидит, и я точно знаю, что продавец из Дениса средний. Что это? Прикрытие? Или все-таки она высказывала свое искреннее, но необъективное мнение?

– Получается, что никто ничего не видел. А расспрашивать тех же охранников в лоб – пустой номер. Ни один не признается. Кража ведь прошла чисто, и дело было обстрепано несколько дней назад. С каждым новым днем это практически никем не замеченное преступление уходит в историю.

– Давай еще раз поговорим с Вале́й.

– Хорошо, – согласно кивнула Дарья, – только можно на этот раз я буду говорить, а ты помолчишь?

– Давай. – Ему действительно стало интересно. В самом деле, что может быть любопытнее, чем наблюдать со сторо-

ны, как общаются две женщины, причем одна другой годится в дочери.

Валя не знала, зачем ее снова пригласили, поэтому вела себя очень скованно, ожидая гневных речей из уст директора. Вместо этого с ней стала разговаривать стройная черноволосая девчонка.

«Очередная шлюшонка, – подумала про себя Валя. – Ну что ж, давай-давай, пока тело молодое, потом с тобой куда меньше будут церемониться».

– Вы ведь на работе с утра до вечера?

– Конечно, субботу и воскресенье мы отдыхаем, а остальное время – только здесь.

– Ответьте честно, Денис лучше вас? Я имею в виду – по специальности, то есть как продавец. – Дарья стала записывать вопросы и ответы.

Подобное отношение к делу не могло не вызвать уважения со стороны Антона, теперь он оставил в стороне иронию и попытался не просто понять вопросы и ответы, но сразу же приложить их к конкретной ситуации, с которой, как ему казалось, он знаком лучше Дарьи.

– У него, как у всякого человека, есть и сильные, и слабые стороны. – Так как ее никто не перебивал, Валя продолжила: – Как мужчина, он весьма обходителен с клиентами и обладает некоторым напором, что очень часто приносит ему успех. Я же пытаюсь преподнести товар с эстетической стороны. Подобрать что-то под цвет глаз, допустим,

или лишний раз загляну в гороскоп. Он же больше давит на финансовую сторону вопроса, убеждая клиента, что вкладывать деньги в золото очень выгодно, особенно в наше нестабильное время.

– Значит, он на своем месте? – не удержался Баров.

– Не знаю, я сказала, что думаю.

* * *

– Какие они у меня все благородные. Чуть ли не горой стоят друг за друга! – вспыхнул Антон, когда дверь за продавщицей затворилась и стихли шаги.

Дарья подошла и поцеловала его.

– Может, нам стоит все же поговорить с охраной? Возможно, кто-то что-то видел или запомнил нечто, выходящее за рамки обычного.

– Думаю, ты найдешь, о чем потолковать с этими мужиками. Только не сильно задирай юбку. Ровно настолько, чтобы рот открывался и закрывался, а не фиксировался на полпути.

– Придется постараться. К тому же я сама напросилась, – припомнила Дарья.

Он подошел к ней и обнял.

– Зачем нам все это надо? В конечном счете эта кража не разорила меня окончательно, хотя теперь придется потуже затянуть пояс.

– Перестань, мы должны найти «Воздыхателя». Это же це-

лое состояние.

– Мы ищем, ищем...

– Слушай, да у тебя апатия.

– Никто ничего не видел, никто ничего не знает. Или они все сговорились, или выискался кто-то просто гениальный.

– А может, это охранник? Остался на ночь. Заняться было нечем, вот он и позабавился.

– Предположим, ты «позабавилась». И куда ты пойдешь с этой штуковиной? Продавать же на рынок не отнесешь. А чтобы найти покупателя, надо время.

– Так ты вкладывал деньги, не зная, сможешь продать ее или нет?

– Я – это я. У меня связи, знакомства, авторитет. Заказчика у меня не было, но когда я увидел этот фаллос, меня всего передернуло. Столь огромных камней я еще не встречал. Этот камень будто из сказки. Он размером с мизинец и огранен очень хорошим мастером. На нем нет сколов или трещин, он был в идеальном состоянии, так и просился в руки. Не знаю, где он теперь. Больше всего я боюсь, как бы его не распилили. Слишком это приметная вещь. Слушай, я смотрю, язык у тебя подвешен. Наверное, я найму тебя на работу. Надо только определить, во что обойдутся мне твои услуги?

Дарья в первый раз задумалась над столь важным вопросом. Сумма гонорара – вещь важная не только в том случае, когда ты раздвигаешь ноги.

– Сто долларов в день плюс бензин... Нет, плюс расходы.
– И что же – трахаться мы уже не будем?
– Извини, с сексом двести долларов.
– Я таких красивых и умных шлюх еще не встречал.
Она стала шутливо душить его.
– Запомни, я не шлюха, я куртизанка.
– Тогда и ты запомни, куртизанка, в случае неудачи ничего не получишь.
Дарья не могла с ним не согласиться.

* * *

Как и ожидалось, опрос охранников ничего не дал. Дарья подсчитала, что на разговоры с двумя Колями и двумя Викторами у нее ушло почти семь часов.

Она успела поговорить за это время не только о деле, но и о погоде, об их работе, о своем фактическом безделье, которое еще продолжало называться учебой, об оружии, которое при них постоянно. Кроме того, ей сделали два предложения встретиться где-нибудь как-нибудь, но она отвергла оба.

Вообще все охранники успели отдежурить в ночь за прошедшую неделю, все утверждали, что не оставляли своего поста, что посторонних в служебном помещении не было. Они, в принципе, могли и врать, опасаясь потерять работу.

Каждого из охранников она попросила подумать и, если в голове вдруг всплывут какие-то особенности того или иного

дня, сообщить Антону Игоревичу.

Дарья специально выделила день и полностью провела его в торговом зале, наблюдая за работой продавцов.

Ей удалось сделать лишь один вывод: деньги свои Денис с Валецкой отработывали от и до. Баров признался ей, что хотел нанять не двух, а четырех продавцов, чтобы работать в две смены, но Валя упростила его, и он не стал больше привлекать никого. Таким образом, зарплаты обоих удвоились.

– Есть прогресс? – совершенно обреченно поинтересовался Антон у любовницы, заходя на шестой день в свои владения.

Она подлетела к нему, чмокнула в губы и потащила в его же кабинет.

– Я видела сегодня, как Денис ругается с покупателем.

– Ну и что? Может, он отстаивал права магазина.

– Нет! У тебя недавно был новый завоз. Солидный мужчина хотел купить какое-то кольцо, но Денис почему-то отказался его продать, ссылаясь на какой-то дефект, который легко можно устранить.

– То есть он тем самым дал понять, что я привез некачественный товар?!

Он уже было хотел тут же идти разбираться, но Дарья остановила его.

– Они договорились, что покупатель придет завтра и заберет его.

– Очень интересно. А ты не видела, что за кольцо?

– Я сидела в другом углу.

– Как он собирался исправить это что-то за ночь, интересно? – Скривившись, будто от лимона без сахара, Антон сел на свое место.

– Денис сказал, что у него есть знакомый мастер, который все сделает.

– То есть старший продавец не продал товар, сообщив покупателю, что он с дефектом, хотя сам покупатель этого не заметил?

– Да, мужчина все равно хотел забрать кольцо, но Денис упирался, и они начали общаться на повышенных тонах. Пришлось даже охраннику вмешаться.

– Подождем до завтра. А я хочу услышать от тебя признание в поражении. Ты ничего не сможешь найти.

– Вместо того чтобы огорчать меня, рассказал бы немного о своих поставщиках. Только не о тех, у которых ты берешь товар для легальной продажи, а о тех, с которыми работаешь по-черному.

– Что тебе это даст?

– Правдивая и точная информация необходима следствию. – Она подошла к нему и чмокнула в лоб.

– Знаешь, мне бы не хотелось переходить эту грань. Все очень далеко зашло, и если ты окажешься внутри моего бизнеса...

– Ты сгущаешь краски. – Она снова чмокнула его, на этот раз в щеку. – Я же буду нема как рыба. Тайна клиента – закон

для частного сыщика. Из меня ничего не вытянуть даже каленым железом. Я – могила. – Она ударила себя кулачком в грудь. – Я – пустое место. Давай колись, мой спонсор! – Она дурачилась, превращая все как бы в шутку, но Антон, даже несмотря на это, все равно не мог решиться.

Она вытаращила глаза:

– Неужели ты убиваешь людей! О боже! Нет! Как я могла сойтись с таким!

– Тише-тише, – перепугался он. – А то мои работнички в самом деле подумают, что я кого-то пришил.

– Боишься? – Она вцепилась в него. – Говори. Иначе я вывешу твой скальп в витрине магазина.

Антон поднял даму сердца в воздух и посадил на свое место, а сам уселся там, где обычно размещали свои зады посетители.

– Думаю, тебе оттуда будет намного виднее.

– Хорошо, я готова слушать.

От нерешительности у него слегка подергивалось колено.

– Ладно. У меня есть пара поставщиков. Где и как они достают товар, я не знаю, да о таких вещах никто никогда и не спрашивает. Один живет в Турции, зовут его Гоги.

– Дом ты ему купил?

– Ему-ему. Он в Тбилиси родился, потом как-то перебрался туда, где получше. Мы познакомились в аэропорту. Чистая случайность. Я приезжал так, в ознакомительную поездку, и был поражен размахом торговли ювелирными украше-

ниями. Нам до такого далеко. Так вот, мы сидели бок о бок в зале ожидания и читали «Мир бриллиантов». Журнал выходит на английском, и простому обывателю он не слишком-то и интересен, хотя там и встречаются научно-популярные статьи. Естественно, мы не могли не разговориться. Я домой ехал, а он по делам. Сейчас раз в три месяца я навещаю его и всегда не без выгоды.

– А второй?

– Иннокентий. Этот российский гражданин обосновался в Арабских Эмиратах и занимается тем, что помогает соплеменникам развивать торговлю с тамошними фирмами, изготавливающими украшения. Заколочку для галстука помнишь?

– Навсегда запомню, она была у тебя, когда мы познакомились.

– Да, это я у Иннокентия купил. Обычно ничего для себя не покупаю, но она мне просто понравилась.

– Наверное, к золоту привыкнуть невозможно.

– Ты права. Это страсть на всю жизнь. С Иннокентием я встретился здесь, в России, на одном из аукционов, проводимых в столице. Он с легкостью скупил все, что там было, заранее зная, что на Востоке получит за русские камешки куда больше. Мне он оставил только серебряный гребень купчихи Барулиной. Не познакомиться с таким человеком – значит быть очень недалёковидным.

– А Иннокентий знал о том, что ты купишь «Воздыхате-

ля» в Турции?

– Откуда? Разве только Гоги и Иннокентий знакомы. Но это вряд ли.

– А как ты вез безделицу?

Антон закатил глаза.

– Меня режут без ножа. Вот так вынь да положи то, что выстраивалось годами.

Дарья и не ожидала, что ей расскажут все сразу же.

– Мы уже говорили об этом, – строго и вместе с тем шутиливо заявила она. – Давайте, давайте, пострадавший, признавайтесь. Колись!!!

– Приходится торговать бытовой электроникой.

– Неужели?! – Она не могла поверить, что он еще и это успевает.

– Магазин через дорогу. Этот называется «Афродита», а тот – «Кассиопея».

– Вместе и не свяжешь.

– И не надо. Там ООО. Мне принадлежат десять процентов уставного капитала. Просто люди везут морем из Турции один контейнер в месяц, этого достаточно.

– И ты не думаешь, что кто-нибудь из них мог...

– Да перестань. Они мною не интересуются, я ими. Так, видимся изредка. В основном, как ты понимаешь, я появляюсь там, когда приходит что-то новенькое, тогда я забираю то, что мне якобы нравится. Какой-нибудь видеоплеер или телевизор, а дома разбираю аппарат и достаю посылку. Вот

и все.

– А как же ты там прячешь? – Дарье стало интересно, и она перешла на шепот.

– Ты чего шипишь? Любишь загадки? Там у меня знакомый турок Абу, он вопросов не задает и отправляет все, что необходимо. А когда мне надо что-то переслать, я прихожу на склад в Турции, беру первый попавшийся аппарат из тех, что готовы к отправке, разбираю его и вкладываю в корпус товар. Обычно места хватает. Для «Рубинового воздыхателя» пришлось из колонки музыкального центра выдрать динамик.

– Действительно, все гениальное просто.

* * *

Наступило завтра. Оно оказалось солнечным и теплым. Деревья покрылись молоденькими листочками, травка пошла в рост... А в полумраке ювелирного магазина была устроена засада.

– Может, он и не придет, – предположила Дарья, когда Антон вышел в торговый зал справиться о ее самочувствии.

Она вполне открыто сидела в углу и читала журнал. Ждали того самого мужчину, который хотел купить какое-то кольцо. Этот день должен был стать последним днем работы Дениса в этом магазине.

– Ты не дергайся, впереди еще полдня. Сиди спокойно,

как только он появится – сразу ко мне.

Говорили они вполголоса, очень даже хорошо представляя, что давят старшему продавцу на нервы. Судя по тому, что он ходил вдоль прилавка, стараясь уловить хоть отдельные слова, психика его была взвинчена.

«Он, наверное, молится, чтобы мужик не приходил сегодня», – думала Дарья.

– Как надоест, приходи, – ровным деловым тоном произнес директор, обращаясь к Даше.

Ему не составило труда придумать для подруги легенду. Мол, она тоже хочет стать продавцом. Правда, от этого настроение той же Вали не поднималось выше нулевой отметки, но куда ей деваться, бедной? К тому же конкуренция стимулирует производительность. На следующий день после того, как Баров сообщил, что его подруга начинает учиться торговому делу, и Валя, и Денис пришли на работу еще более аккуратно одетыми, чем прежде, и со свежестриженными головками.

Он вошел в четвертом часу. Низенький, круглолицый, в летнем светло-голубом костюмчике и легких кожаных ботинках. Глаза его, спрятанные за очками, оглядели помещение и выцепили Дениса.

– Добрый день, молодой человек. – Его тон не предвещал ничего хорошего и тем более доброго. – Вы узнаете меня?

Денис попытался расцвести, но у него не получилось. Видимо, потому, что Дарья встала со своего места и ушла к ди-

ректору.

– Он пришел! – воскликнула она.

– Тише, – цыкнул Антон. – Идем разбираться.

Как Денис ни торопился, а все равно не успел выпроводить покупателя за тридцать секунд.

Мужчина уже расплачивался в кассе и забирал покупку, когда к нему подошел Баров.

– Здравствуйте, я директор этого магазина. Можно посмотреть, что вы приобрели?

– Очень рад вас видеть, – все так же, без тени оптимизма в голосе отозвался тот. – Приходится навещать вас дважды.

– Что-нибудь не так?

– Вчера ваш продавец отказался продать понравившееся мне кольцо.

– Не может быть. – Удивление на лице Антона было просто-таки натуральным. – Денис, подойди сюда, пожалуйста.

Плохо скрывая нервозность, без пяти минут уволенный направился к шефу.

– Можно, я взгляну на покупку?

Покупатель не возражал и даже отнесся к подобному проявлению внимания с уважением.

Антон достал лупу из внутреннего кармана, а затем ловким движением вынул из коробочки колечко, усыпанное крохотными бриллиантами.

– Хорошая покупка, – сразу же отметил Баров.

– Мне говорили, что здесь был какой-то дефект, который

пришлось устранять.

– Что-то не так? – услужливо осведомился Денис.

Антон некоторое время смотрел на кольцо. Никто не мог прочесть на его лице никаких эмоций.

– Вы не пройдете ко мне в кабинет? – спросил директор покупателя.

Денис хотел было остаться работать вместе с Валею, но Антон тоже позвал его с собой.

– А что случилось? – недоумевал покупатель. – Что-то не так? Дефект остался? Его не устранили?

Баров молча открыл свою каморку, а старшего продавца он запер в туалете. Тот и не пытался возражать. А если бы это и случилось, то помощь охранника Барову вряд ли потребовалась бы. Он был помощнее и, кроме того, находился в весьма взвинченном состоянии.

Усадив покупателя, он представился и услышал в ответ, что его собеседника зовут Федор Яковлевич.

– Это кольцо – подделка.

– Как?! – вырвалось у едва не обманутого гражданина.

– Вчера вы смотрели на подлинник, а сегодня вам всучили подделку. Очень хорошо, что мы вовремя предприняли адекватные меры. Продавец, конечно же, будет уволен.

Теперь уже собственной лупой, к удивлению Барова, вооружился Федор Яковлевич.

– Действительно. Вчера я, как ни старался, не мог разглядеть, где там налет на камне. Подумал, зрение стало подво-

дить. А оказалось, молодой человек просто решил меня надуть. Но это бессмысленно! – вдруг воскликнул он. – Я бы ни за что не выбросил чек и пришел бы к вам. Я коллекционер с многолетним стажем.

– Неужели? – Дарья подлетела к нему. – А почему вы покупали именно это кольцо?

– Вы просите за него слишком мало. Такое случается, но крайне редко.

– И какова же, по вашему мнению, реальная цена? – Антону не хотелось признаваться самому себе, что где-то что-то он проглядел.

– Вместо трех с половиной за него надо просить пять.

– Знаете, – улыбнулся Баров, – вы поставили под сомнение мою квалификацию. Учитывая вес золота, его пробу и размер камешков, я накрутил не больше и не меньше, чем все остальные. Может быть, вы объясните, где я ошибся?

– А вы не ошиблись, – тут же сообщил коллекционер, продолжая рассматривать подделку. – Да, оправу оставили, а камни поменяли, ну не мерзавцы ли? Так вот, именно это колечко тихо-мирно покоилось в коллекции пана Стецкого. Не так давно пана постигло несчастье – его обворовали, и многие из его безделушек стали кочевать по свету. Чего только не бывает в жизни. Готов спорить, что тот, кто продал вам его, особо не распространялся, как это кольцо попало к нему.

– Насчет этого вы абсолютно правы, – с тяжелым выдохом признался Баров. – Этого добра так много, что иной раз все

плывет перед глазами. Я слышал о краже, но мне и в голову не пришло, что столь интересный экземпляр может попасть ко мне.

– А вы случайно не знаете полную стоимость украденного? – поинтересовалась Дарья.

– Что-то около ста тысяч долларов! Неплохо для какого-то воришки.

– Вернемся к нашему кольцу. – Похоже, у Антона руки чесались набить Денису морду, поэтому он спешил поскорее выпроводить Федора Яковлевича, благо тот визитку уже оставил, так что будет на одного знакомого коллекционера больше.

– А вы не можете мне сказать, кто продал вам кольцо? – Господинчик затаился.

– Извините, это исключено, – насупился Антон.

– Но, может быть, мы все-таки договоримся?

– Позвоните мне денька через два. Хорошо?

Несостоявшийся покупатель нехотя поднялся, сгреб бу-мажки и был таков.

– Что же ты собираешься делать с Денисом? – Дарье не хотелось, чтобы дело дошло до мордобоя. Для нее куда более естественной формой общения были переговоры.

Он не стал говорить ей ничего. Молча вошел в туалет и выволок оттуда за шкурку облажавшегося мошенника.

– Че ты пялишься, дерево! – Он впихнул продавца в кабинет, поддавая ему под зад носком ботинка. Денис смог оста-

новиться только с помощью стены.

– Вы не имеете права!

– Заткнись, паскуда! Ты хочешь официального базара? Тебе это влетит в пару лет отсидки. Я тебе быстро устрою, сука!

– Антон, успокойся. – Девушка видела, что ее друг разошелся не на шутку.

– Ты помолчи! – Он ткнул в нее пальцем. – Я знаю, что делаю! А тебе сейчас придется рассказать мне, где настоящие камешки и где «Воздыхатель».

– Я не знаю, о чем вы?

Обычно на экране в таком стиле дерется Ван Дамм. Красиво, размашисто, словно танцуя, он крушит плохих дядей направо и налево. У Антона тоже неплохо получилось. Невысокий, но твердый каблук ботинка въехал точно по назначению – в нос.

Громкое «Ау-у-у!» слилось с гулким ударом головы о стену.

Ноги Дениса тут же подогнулись, и он рухнул на пол как подкошенный.

– Что ты наделал?! – Дарья подбежала к неподвижно лежащему человеку.

Антон и сам струхнул. Если это труп, то ему и десять годов не слишком большим наказанием покажутся.

Она пощупала пульс. Барову чудилось, что у него самого остановилось сердце.

– Он жив, но сколько еще будет в отключке, сказать не могу.

Она открыла веко. Зрачок на свет не реагировал.

– Тебе эти камешки дороже всего. – Ее состояние нельзя было назвать нормальным. В такие минуты она считала, что миром должны править женщины.

– Обещай, что, когда он очнется, ты мне мешать не станешь.

– Я не хочу смотреть на это.

– Это особенности национальной работы. Просто надо воспринимать все не так близко к сердцу. Россия! Воруют!

Дарья и сама любила повторять последнюю фразу. Не согласиться она не могла.

– Нанимая на работу человека, работодатель в первую очередь надеется на его честность и порядочность. Поверь, неприятно узнавать, что ты ошибался.

– Но нельзя же бить...

Он не дал ей высказаться:

– А воровать можно? Русского мужика испокон веку к порядку приучали дубиной. Я бью его не из-за того, что это мне доставляет удовольствие, а из-за того, что иначе он устроится на работу еще куда-нибудь, и все начнется сначала. Пусть хоть он уже будет знать, что ему грозит получить хороший урок. Я вообще-то могу перепоручить это дело моим нехорошим знакомым. Они не станут ждать, пока он подымеется, поверь мне.

– Я не знала, что в тебе столько барского.

– Тогда тебе интересно будет узнать, что моя фамилия «Баров» – не что иное, как сокращенное от «Баринов». – Антон не знал, так ли это на самом деле, но сейчас ему очень хотелось подольше побыть в победителях.

Тем временем Денис пришел в себя и сделал в воздухе неловкий жест рукой, чем привлек внимание экзекутора.

– Вот, а ты волновалась! Он уже очнулся. Крепкий типчик.

– Не бейте меня, пожалуйста, я все расскажу.

– Это не удивительно, дружок, – с сарказмом поучал работника Баров, – кому, как не тебе, сносить удары за слишком развитую жадность. Я даже дам тебе стул. – Он одним рывком поставил бедолагу на ноги, подставил ему под зад опору, после чего воткнул его в сиденье. – Ты только говори, и, кто знает, может быть, твоя морда не будет разукрашена больше, чем уже есть.

– Камешки у меня дома. За полгода, что работаю у вас, я приноровился менять камни на стекло.

– Способный мальчик. И много народу ты уже обул?

– Этот должен был стать третьим.

– Ты посмотри, Даша, какого скота я кормил. Где теперь эти люди, уже не узнать. Куда ты сдавал бриллианты?

– Я знаю одного мастера. – Время от времени он вытирал платком кровь, почти ссохшуюся над верхней губой. – Он скупал у меня камешки, не задавая вопросов. Только платил

треть их реальной стоимости.

– Как зовут скупщика краденого и где он живет?

– Это Женя Опеков.

– Дальше про него говорить не нужно. Я знаю, где его достать. Какая скотина: покупает мои камни. И ты каждый раз втирал покупателю, что вещь имеет дефект, затем забирал кольцо с собой и за ночь все обстрепывал?

– Это тонкая работа. Но мне действительно хватало ночи.

– А как насчет «Рубинового воздыхателя»? Его ты кому продал?

– Я ничего не знаю про него.

Антон хотел еще раз пнуть его ногой, но Дарья удержала.

– Остынь! Может, он в самом деле ничего не знает.

– Знаю, – неожиданно возразил Денис. – Она просила не говорить, но если мне из-за этого собираются продолжать колотить морду... бухгалтерша ваша пару раз приводила к себе какого-то мужика. И он, по-видимому, охаживал ее прямо на рабочем месте. Встречаться им, видите ли, больше нигде. А у вас там удобно. Отдельный кабинет, хоть и маленький, и практически весь день никто не беспокоит.

– Как интересно. – Антон потирал руки от предвкушения, что сегодня он уж точно кого-нибудь дожмет. – Дарья, пригласи сюда Клавдию Евгеньевну...

Когда женщина вошла и увидела Дениса с расквашенной физиономией, она испугалась, что естественно, но при этом из нее полезло:

– Что здесь произошло?

– Я тебе сейчас, толстая дура, все объясню. – Он втащил ее в кабинет.

– Как вы со мной обращаетесь!

Он положил ее пятерню на лицо и припер к стенке:

– Ты с кем здесь трахаешься, шалашовка?!

Она завывала:

– Это моя личная жизнь!

Свободной рукой Антон ткнул в Дениса.

– Ты уволен. Можешь проваливать. Адрес твой я знаю. Завтра у меня на столе должны лежать десять миллионов. И камни – в натуральном облике.

Бывший продавец не стал спорить и быстренько ретировался, оставляя бухгалтершу на растерзание.

– Отпустите! – потребовала женщина.

Дарья не могла спокойно смотреть на эти разборки и тоже стала бубнить что-то под нос о том, что можно и помягче. И вообще, она же женщина.

– Даша, умоляю, помолчи. – Он насадил Клавдию Евгеньевну на тот же стул, где недавно жарился Денис. – Когда придет твой кобель?

– Он больше не придет, он меня бросил.

Она заплакала.

Дарья подошла к ней и взяла за плечи.

– Успокойтесь. Вы знаете, где он сейчас?

– Откуда мне знать! – Она продолжала пускать нюни.

– Я знаю точно, что твой петушок был здесь минимум дважды. Когда в последний раз?

Она всхлипнула:

– В пятницу. Уже две недели прошло.

– А почему мне охрана ничего не сказала?

– Ко мне заходил Денис и говорил, что пришел мой... Тогда я выходила в торговый зал и делала вид, что пришел очень важный клиент, с которым разговаривать стоя не с руки. Охранник считал, что это чисто рабочий момент.

– Лихо. – Баров вернулся на свое место. – И как прошло последнее свидание?

Клавдия Евгеньевна молчала.

– В чем дело? Вы не помните? Запомнили?

– А что тут вспоминать? – резко ответила она. – То, что я теряла сознание в последнее время, когда мы занимались сексом?

– А вы пили перед этим что-нибудь? – серьезно спросила Дарья.

– Коньяк. Он всегда приносил новую крохотную бутылочку.

– И вы не знаете, где он живет? – Антон напрягся. Или все, или ничего.

– У него семья и двое детей. Квартира где-то на Университетской. По понятным причинам он не стал мне даже давать адрес. А что он сделал?

– Вошел туда, куда ему не следовало. У вас нет ни номера

телефона, ни знакомого, через которого ему можно передать сообщение?

– Он знает только телефон магазина. Пока я безуспешно стараюсь выкинуть его из головы...

– Не знаете, где он работает? – поинтересовалась Дарья.

Бухгалтерша собралась с мыслями.

– Фирма какая-то. Я даже была у них. Они решетки на окна варят, двери металлические.

– Твою мать, – ругнулся Антон.

По его лицу Дарье стало ясно, что он знает, куда надо ехать.

Дарье показалось, что лицо бухгалтерши озлобилось, хотя, может, только показалось.

– Сейчас мы поедem к нему в гости. Вместе с вами. – Он сделал в воздухе жест, очерчивающий женщин виртуальным кругом. – Будем надеяться, много времени это не займет.

Польская и не думала спорить, а Дарья и не предполагала, что ее оставят здесь в одиночестве.

* * *

Антон вел машину, а Клавдия Евгеньевна продолжала отвечать на вопросы.

Выяснилось, что ищут они Серебрякова Павла Олеговича, сорока пяти лет от роду. Если верить описанию Польской, был он несколько выше ее – сто семьдесят пять, тут же от-

метила про себя Дарья, – жилистый, с головой, почти потерявшей волосы. Из особенностей она выделила лишь золотой зуб где-то на верхней челюсти и множество маленьких шрамов на пальцах левой руки.

Не сдать своего любовника она просто не могла. Директор был так взвинчен, что ему не составило бы большого труда отхлестать Польскую по физиономии, чтобы добиться результата.

Чем ближе они подъезжали к цели своего назначения, тем больше оптимизма было в поведении Барова. Он неожиданно даже стал напевать: «Если долго мучиться, что-нибудь получится».

Пел он отвратительно, но, главное, настроение его улучшалось. Дарье даже казалось, что он заводится, а во взвинченном состоянии Баров был явно неконтролируем.

«Хьюндаи» подъехала к длинному зданию, выросшему рядом с большим массивом кооперативных гаражей. По сути дела, двухэтажный дом был не чем иным, как десятком гаражей, соединенных в единое целое, с надстроенным вторым этажом – чудо постперестроечной архитектуры – просто куча застывшего бетона.

Рядом с открытыми воротами, подстелив под зад картонку, сидел мужик в фуфайке нараспашку. Ему было лет пятьдесят с хвостиком, голова его была покрыта клетчатой кепкой, а в углу рта тлела папиросина.

За его спиной, в глубине здания постоянно что-то скреже-

тало, урчало, стучало, потрескивало и изредка материлось.

– Мужик, это «Металлоконструкция»?

– Да. Чего хотели?

Баров вышел из машины, а бухгалтерша удивленно и тихо бросила ему вслед:

– Откуда вы знаете?

Он не удостоил ее ответа, тогда ей пришлось обратиться к Дарье:

– Откуда он знает? Он сам приехал туда, куда надо.

Даша не знала, что ей ответить, и просто последовала за Антоном.

Баров присел на корточки перед мужиком и заглянул ему в глаза:

– Серебряков сегодня работает?

Восседающий на фанерке работник посмотрел с некоторым презрением на дорогой костюм Барова и, сплюнув сквозь зубы в сторону, сообщил, что таковой здесь на этой неделе не появлялся.

– А где он живет, ты знаешь?

– Во-о-он, – махнул мужик кепкой на цех, из глубин которого начало вырываться сверкание сварки, – найди бригадира, звать Роман, здоровый такой парниша, он тебе все расскажет.

Дарья стояла за спиной у присевшего Антона и сделала шаг назад, ожидая, что Баров поднимется и пойдет рыскать по цеху. Но вышло иначе.

– Слушай, я у вас тут никого не знаю. – Он вынул купюру и протянул ее мужику. – Ты только не обижайся, отец, найди мне этого Рому.

Мужик быстренько окинул взглядом иномарку, двух прилично одетых женщин и, схватив бумажку, шустро поднялся.

– Погодите немного.

Баров был согласен погодить. И, к его удовлетворению, ждать долго не пришлось.

Рома действительно был из здоровячков. Замешанная на пивных дрожжах и генетическом коктейле родителей, его туша, возросшая на ширококостом скелете, могла только одним своим видом остановить недоброжелательно настроенных собеседников от попыток физического воздействия.

Как показалось Дарье, Баров, глядя несколько снизу на дядю Рому, был настроен позитивно.

– Ну, я бригадир, – пробасил он в лицо ювелиру.

– Я ищу Серебрякова.

– Этот уволен, часто опаздывал. Нам такие не нужны.

– Вы его домашний адрес не знаете? – Баров предпочитал разговаривать с Ромой на «вы», что с его стороны было вполне объяснимо.

– Он что-то говорил... Стойте, я принесу тетрадь.

Дарья не выдержала:

– Как ты узнал?

Антон усмехнулся:

– Именно здесь мне и изготовили сейф. Все сходится, это

Серебряков.

Бригадир принес замасленную, с четкими отпечатками грязных пальцев, потрепанную тетрадочку. Неумело пролистав ее куда-то в конец, он наконец нашел нужную графу.

– Серебряков, – читал он вслух, – Университетская, дом четырнадцать, квартира сорок. И передайте этому засранцу, чтобы не попадался мне на пути.

– Не заржавеет, – заверил Баров.

– Не припомните, он женат? – встряла Дарья.

– Девушка, – бригадир сглотнул похотливую слюнку, – у него никого не было. У такого мудака не может быть бабы.

Дарья взглянула на бухгалтершу. Та стояла на таком расстоянии, чтобы все слышать, но одновременно можно как бы сказать, что ничего и не слышала, и ей при этом можно поверить. В общем, хитрую позицию заняла – держала дистанцию. Но слова до нее долетели, потому как Рома не был работником библиотеки и большую часть рабочего времени общался с работягами на повышенных тонах. Что было обусловлено или шумом, издаваемым при работе, или отсутствием такового, то есть при безделье.

– А чем он занимался у вас? – Антон не предполагал, что вопрос вызовет столько эмоций.

– Серебряков делал сейфы, но мы, кроме них, и ворота, и стальные двери, и решетки, и стальные гаражи делаем, емкости на дачи. Любой чертеж принесите – мы изготовим.

– Хорошо, буду иметь в виду.

Шорох шин заставил обернуться Дарью и Антона. Клавдия Евгеньевна сидела за рулем «Хьюндаи» и спешила побыстрее убраться с глаз.

– Совсем охренела баба! – выругался Баров, наблюдая, как его машина исчезает за поворотом.

– Это че, машину угнали? – не понял Рома.

– Бригадир, – засуетился Баров, – у тебя тачка есть?

– Только «уазик». Вон стоит.

– По фигу. – Антон отсчитал ему двести тысяч. – Дай водилу, мы денек покатаемся.

– Тимохин! – заорал Рома, засовывая деньги в карман потертых джинсов.

Словно из ниоткуда появился все тот же мужичок в фуфачке, загоравший на солнышке.

– Тимохин, будешь с этой молодой парой весь день и повезешь, куда попросят.

Обладатель клетчатой кепки интенсивно закивал, предвкушая калым.

* * *

«Вон стоит» оказался старым, давно не мытым железным гробом на колесах с абсолютно не гасящими удары амортизаторами и рваными сиденьями.

Контраст между современным корейским автомобилем и совковыми «колесами» был разительным. Как Дарья ни пы-

талась, но найти хоть один работающий датчик на панели она не смогла.

– Как вас зовут? – поинтересовалась она у водителя, пока он выруливал на трассу.

– Да зовите Тима или Тимоха.

Обращаться к мужчине, который разменял пять десятков лет, «Тимоха» Дарья не могла.

– А имя-отчество как?

– Имя? Так имя и есть: Тимофей Тимофеевич Тимохин. Куда ехать-то?

– Университетская, четырнадцать. – Антон обнял покрепче Дарью, потому как впереди был участок дороги, на котором асфальт клали в дождь. Результатом чего явилось множество бугорков, и гасить их пассажирам, впрочем, как и водителю, предстояло полушариями спинного мозга.

– Ты не хочешь заявить об угоне в милицию? – Дарья не понимала, почему Баров столь инертен.

– Давай немного подождем. У нас все же есть шанс вернуть машину без вмешательства властей.

– Ловко она, надо сказать, выкрала у тебя ключи.

Он помрачнел.

– Я просто оставил их в машине. Мы же вышли-то на пять минут.

– Ты действительно барин, – не удержалась Дарья и поцеловала его в щеку. – Ты не расстраивайся, все найдется.

Пятиэтажный дом. Стандартная хрущевка.

Они без труда определили, в какой им подъезд, потому как у одного из них стояла серебристая «Хьюндаи».

– Прискакала кобелька своего предупреждать, – ссидил Баров, выкарабкиваясь с заднего сиденья полноприводного динозавра.

Польская, в отличие от хозяина машины, ключи в гнезде не оставляла.

Деловито засучив рукава, Баров выпустил воздух из всех шин и, оставшись довольным проделанной работой, распорядился:

– Тима, подожди здесь. – Затем посмотрел на Дарью. – Тебе бы тоже посидеть надо.

– Я с тобой! – ответила девушка, хватая его за локоть. – Как это ты без меня? Это ведь я все заварила. Ты б так и продолжал в носу ковыряться.

Он ничего ей не ответил и вошел в подъезд.

За обитой кожзаменителем дверью было тихо.

– Затарились, – прошептал Баров, нажимая на звонок и разгоняя подозрительное безмолвие.

Им ответили после восьмого или девятого нажатия.

– Кто? – спросил мужской голос средней хрипоты и взволнованности.

– Да это соседи снизу, – начал Баров, – под вами стояк забился...

Послышался хруст открываемых запоров.

– Что случилось? – Перед ними стоял типичный предста-

витель сильного пола, находящийся в затынувшемся запое. Всклокоченная шевелюра давно не мытых волос как бы задала тон всему его нечеловеческому обличью, состоявшему из глаз с лопнувшими сосудами, двухмиллиметровой щетины, застиранной, но удивительно чистой для его состояния майки, рваного на коленках трико класса «тянучки» и китайских сланцев на босу ногу. Разило перегаром так, что у Дарьи выбило слезу.

Баров постоял немного молча, как бы раздумывая, а затем, схватив пьянь за горло, втолкнул его в квартиру. Дарья вошла следом и быстренько прикрыла дверь.

– Скажи мне, Серебряков, где может быть твоя старая подруга Клава?

Поскольку Баров и не думал разжимать хватку на шее, находящийся в пьяном тумане мастер по изготовлению сейфов стал синеть.

– Отпусти его! – закричала Дарья. – Он и так на ногах еле держится.

Он благоразумно послушался ее совета и отпустил Павла Олеговича на волю.

– Ты кто?! – прохрипел Серебряков, бросаясь с кулаками на Антона и налетая на встречный удар.

Тело шлепнулось на деревянный, давно не крашеный пол и застонало.

– Отвечай на вопрос, – поучал Баров. – Где Клава?

Тот больше не рыпался и, собравшись с силами, лишь сел

на пятую точку, вытягивая ноги.

– Я ее уже давно не видел. Не нужен я ей стал.

– Так ведь это все она! – воскликнула Дарья, радуясь своей догадке.

– Похоже, ты права, – согласился Антон. – Она хотела подставить его. Слышишь? – Он склонился к Серебрякову. – Тебя баба подставила. Ты, увалень хренов! – Он подхватил его под мышки и, поставив на ноги, потащил на кухню – засранный квадрат два на два.

Вылив в стакан все, что оставалось в бутылке, он дал страдальцу спокойно выпить.

– Теперь отвечай на вопросы. Она просила тебя сделать ей ключи от сейфа начальника?

Мужик сунул густые черные брови и медленно то открывал, то закрывал глаза, наслаждаясь разливающимся по телу теплом.

– Зачем ты ему дал водки? – недоумевала Дарья. – Он же теперь совсем нам ничего не скажет.

– Это почему? Скажу-у-у, – подал голос Серебряков. – Я все скажу, если эта б... меня кинула. Зачем она меня кинула? Я ведь ее любил. Теперь мне приходится заглушать боль души водкой.

– Кстати, о любви, – прозрел Баров, – ты занимался с ней любовью в ювелирном магазине? Чтобы тебе было легче отвечать, я скажу, что перед тобой директор этого магазина.

Паша смотрел на торговца сквозь восемь литров водки,

судя по количеству стоящих везде пустых бутылок.

– Она любила в необычном месте, чтоб дух захватывало.

– Ясно. Вернемся к ключам. Делал или нет?

– Делал, делал. Еще я ей запасную дверцу принес для сейфа. Мы же выпускаем такие. – Язык его почти не заплетался.

– Антон, Антон... – Дарья попыталась отвлечь его от разговора. – Почему она сдала его?

Баров лихорадочно осмотрел кухню, затем стал осматривать две комнаты, в которых понятие «порядок» отсутствовало как таковое.

– Что ты ищешь?! – крикнула Дарья, оставаясь рядом с Серебряковым.

– Причину! – раздался ответ из ванной.

– Перестань метаться, давай сядем и подумаем!

Предложение Дарьи нашло поддержку в глубинах предпринимательского сознания, и Баров вернулся к столу, уставленному стеклотарой и полупустыми банками с маринованными огурцами и помидорами.

– Ты понимаешь. – Он, не брезгуя, опустился на табурет, усыпанный чешуей от воблы. – Она уверена, что у нее все получится.

– С ней должен быть еще кто-то. Не могла же она ловко залезть в твоё отделение, а затем приладить на место новую дверцу.

– Почему я не поставил на сейфы сигнализацию?! – взвыл Баров. – И на окнах датчики, и на двери датчики, а вход-то

всего один, и человека посадил на всю ночь. Все равно товар уходит. Слушай, мне, наверное, там новый сейф привезли.

– Что ты волнуешься? Валя справится, – попыталась успокоить его Дарья.

– Нет у меня доверия к людям. – Антон был мрачен. – Поехали трахаться, а?

Дарья покраснела, он мог бы постесняться постороннего, хоть и пьяного.

«Стесняться, стесняться, постороннего человека, а если все равно, все равно, все равно».

Она щелкнула пальцами и тут же скисла.

– Что с тобой? – не понял Баров.

– Мне кажется, мы в ловушке.

– Нет! Вы у меня дома! – напомнил Серебряков.

– Заткни-и-и-ись!!! – проорал торговец на ухо жестянщику так, что тот вздрогнул. – А ты не пори ерунды, сейчас поедем в «Афродиту».

Девушка вздрогнула. Дверной звонок был на редкость громким, но в коридоре это воспринималось как-то спокойно. В квартире же зудело так, что, казалось, сверлят зуб.

– Хозяин, иди открой. – Большой палец правой руки показал на дверь.

Серебряков нехотя поднялся и, шмыгнув носом и подтянув трико, отправился отпирать, а Баров пошел следом.

Дарья, подчинившись простому любопытству, тоже вышла в коридор.

– Кто? – спросил пьяный Паша.

– Это от Клавдии Евгеньевны.

Дарья подумала, что знает этот голос, но дверь уже начала открываться.

Первое, что просунулось в квартиру, был пистолет. Увидев оружие, Баров кинулся к двери, пытаясь не дать тому, кто стоит снаружи, проникнуть внутрь, но он опоздал.

Это был Виктор, охранник. Тот самый, который дежурил в день разоблачения Дениса. Он продавил Серебрякова и влетел в коридор.

Баров кинулся на него с криком:

– Даша, уходи!

Прозвучал выстрел.

Она смотрела, как мужики колготились около двери, и не могла поверить в то, что у нее получится проскользнуть. Антон смог подмять под себя нападавшего, несмотря на то что тот был моложе и здоровее. Выстрелы звучали один за другим. Она поняла, что Антона, лежащего сверху на киллере, уже не спасти. Надо уходить, уходить.

Неожиданно озверевший хозяин квартиры навалился сверху на Антона и еще больше прижал охранника, но он не смог перехватить оружие, а оно уже было около его виска.

Больше Дарья ничего не видела, она только слышала выстрел.

Справедливо полагая, что теперь он бросится за ней, девушка скакала по ступенькам, как коза.

Выбежав на улицу, она закричала Тимохе, чтобы он завозил.

Запрыгнув на сиденье, она со слезами на глазах потребовала от водителя, чтобы он увез ее отсюда.

– Что случилось? – Тимохин еле копался, поворачивая время от времени ключ в не желавшем заводиться «уазике».

– Двигай давай! – кричала она, не помня себя от страха и глядя на дверь подъезда. Если он сейчас выбежит, то им каюк.

– Неужели у него другая баба? – удивленно интересовался Тимка.

– У него уже свидание кое с кем повыше. Поехали!

Наконец двигатель заработал.

– Надо было аккумулятор поменять. Говорил же Роману, – чертыхался про свое Тимохин, выруливая со двора. – Где кавалера-то оставила?

Она промолчала.

«Теперь все. Теперь лучше самой идти в милицию. Добегалась. Или ничего, обойдется? Вот это я влипла, вот влипла! Боже мой. Их оказалось двое. Только не те, о ком мы думали. Совсем не те. Знать бы наперед».

Дарья попросила остановиться на углу, вызвала «Скорую» и милицию, назвав точный адрес и «забыв» представиться.

На следующее утро Дарья пришла в магазин, где нашла Валу в растрепанных чувствах.

– Что случилось? – плохо скрывая волнение, спросила она у продавщицы.

– Вы разве не знаете? В нашего директора стреляли.

– Как?! Он жив?! – Дарье не надо было вкладывать душу в произносимые слова, она и так всю ночь не спала.

– Лежит во второй горбольнице в реанимации. – Валя металась вдоль прилавка. – Что мне делать, не знаю. Утром пришла на работу, а охранник сказал, что наш магазин их агентство больше не охраняет. Денис с сегодняшнего дня уволен. Бухгалтерши нет. Я одна.

Дарья только сейчас заметила, что золота в витринах нет.

– А где драгоценности?

Продавщица замялась.

– Все в сейфе. Вчера привезли новый. Директора не было, ключи отдали Денису, а он уже мне. Я одна торговлю не начну.

– Ну так закрывай магазин, только никуда не уходи. А я поеду навестить Антона.

Дарья запрыгнула в свою «девятку» и покатила к больнице.

Ей казалось, что теперь Антон должен ненавидеть ее за то,

что она убежала, а он остался там. Как ей теперь быть? Как ей теперь жить? Что сказать ему?

* * *

Коридор был длинным. В его конце на поставленных друг к другу стульях сидел зрелый мужчина в легком темно-зеленом джемпере и читал газету, названия которой Дарья не видела.

– Простите, вы не знаете, где здесь реанимационная палата?

Он оторвался от чтения. Его черные глаза и волевой подбородок пригвоздили девушку к полу.

– Так вы не врач?

Она как-то сразу поняла, что перед ней милиционер в штатском.

– Нет, – призналась она, не зная, что ей за это будет.

– Как вам удалось в таком случае пройти сюда?

У Дарьи не было никакого желания кичиться. Спросить, к примеру: «Кто вы такой? По какому праву вы меня спрашиваете?» Она ответила как есть:

– Я просто шла к другу.

– И вас никто не остановил? – Он уже отложил газету в сторону.

– Нет. А что?

– Колбин у меня когда-нибудь получит. – Он неуклюже

залез под джемпер и достал из накладного кармана рубашки удостоверение. – Майор Серегин, Леонид Павлович. – Он поднялся, раскрыл удостоверение и подержал его перед ней довольно долго, так что она смогла даже разглядеть звездочки на погонах.

– Да... – Она несколько опешила. – Я просто к другу.

– Как его зовут? – Майор говорил так, будто сейчас он должен был прочитать правильный ответ в небольшой книжечке, спрятанной в заднем кармане брюк. И в случае, если ответы не совпадут, она должна была проехать с ним «куда следует».

– Антон.

Теперь он уже взял ее под руку и посадил на стульчик рядом с собой.

– Поразительно, вы знаете, я тоже к нему. Вопрос номер один: как вас зовут? Вопрос номер два: откуда вы узнали, что Баров в больнице? Вопрос номер три: откуда вы узнали, в какой именно больнице?

Дарья видела, что майор слегка придуривался. Видимо, устал сидеть в одиночестве.

– Вы, наверное, измучились здесь на стуле? – Она не дала ему возможности сказать ей что-то резкое в ответ на ее дурачество, которое было ответом на его дурачество, и продолжила: – Зовут меня Даша. Сегодня утром я зашла к нему в магазин, и продавщица рассказала мне все как есть.

– Вы его герлфренд?

– Ага.

– Гуд.

– Йес.

– О'кей. Вы давно знакомы?

– Больше месяца.

– Почти семья. – Майор ни с того ни с сего чихнул. – Пардон.

– Ноу проблем. – Дарье не хотелось уступать, к тому же майор первым начал говорить в таком тоне.

– Знаете, что самое интересное в этой истории?

Она почувствовала ловушку, но не знала, что ей приготовили. Пришлось развести руками.

– Вы не спрашиваете, что случилось, что с ним, как он там. Если добавить к этому то, что вчера вызывала милицию и «Скорую» молодая женщина, я думаю, нам найдется о чем поговорить.

– Что с ним?

– Если вы не знаете, я могу сказать, что Баров схватил три пули. Одна прошла сквозь легкое, вторая вскользь по ребрам, а третья по внутренней стороне бедра. Еще немного, и все его дальнейшие переживания были бы связаны только с порнофильмами. Чудо. Будет жить.

– И вы сидите, чтобы его допросить при первой возможности?

– Не допросить, а расспросить. Кроме того, мне кажется, что я нашел главного свидетеля, который не получил ни еди-

ной царапины. – Он заботливо осмотрел ее.

– Я не понимаю, о чем вы!

Она поднялась, майор даже не шелохнулся.

– Мне придется прийти в другой день.

За ее спиной кто-то кашлянул. Обернувшись, она увидела светловолосого голубоглазого парня.

– Как она смогла сюда пройти, Колбин? – На этот раз майор не придурился. От легкого, несколько вычурного флирта с красивой девушкой, деваться которой некуда, он перешел к начальственному тону. – А если бы его пришли добить? Почему молчите, лейтенант? Назовите причину, по которой вы оставили пост.

– Туалет.

– Надо было, прежде чем заступать на дежурство, зайти в урологию – поставили бы катетер. У нас гостя к Барову. Зовут Дарья, а фамилию мы сейчас узнаем...

– Данилова, – удовлетворила любознательность майора посетительница.

– Вот и отлично. На пленке остался голос той женщины, которая звонила, и мы вас проверим. Будем тратить время?

– Нет. – Дарье еще никогда не приходилось сталкиваться с органами.

Майор покачал одобрительно головой:

– Ну-ну, – подбадривающе-выжидательно произнес он.

– Я не знаю, о чем вы говорите.

– Перестаньте! – Его голос разнесся по коридору. – Я слы-

шал пленку. Это были вы. — Он ткнул в нее перстом. — Неужели будете отрицать?

Из палаты вышла медсестра в накрахмаленной шапочке.

— Пожалуйста, потише, — еле слышно пропищала она и вновь исчезла за дверью.

Пятеро или шестеро хирургов в светло-зеленых робах показались вдалеке и стремительно приближались. Смотрелись они как инопланетяне. Одежда плюс ореол таинственности эскулапов создавали образ и миф одновременно. Эфир сразу наполнился запахом тайны и уважения.

Майор поднялся навстречу. Одна женщина, чьи волосы были скрыты шапочкой, кивнула, проходя мимо него в палату.

— Немного осталось, — заметил лейтенант, присаживаясь.

— Опять в туалет? — не удержался майор и сам рассмеялся собственной колкости.

Чем больше смотрела на него Дарья, тем больше ей казалось, что он не совсем нормален.

— Я смогу сегодня увидеть его? — Дарья не знала, как ей быть. Может, она вообще уже арестована.

— Если мы увидим, то и вы увидите. Вы бы сели, Даша. В ножках правды нет.

Она была в юбке до середины бедра и черных чулках. Лейтенанту и мороженого не надо было. Облизывать женские ноги, даже на расстоянии, куда интереснее и слаще.

Врачи появились снова все вместе. Они пробыли в пала-

те всего минуту. Женщина, поприветствовавшая майора, на этот раз подошла к нему.

– Здравствуйте, он пока не приходил в сознание, а если это случится, то я хотела бы, чтобы он просто уснул.

– Когда мы сможем поговорить с ним? – Серегина никак не устраивала перспектива долгого расследования. Свидетель вроде жив. Чего еще желать? А тут, видите ли, «он не приходил в сознание».

– Дня через два. Думаю, это реально.

– Значит, жить он будет? – Дарья не скрывала радости.

– Обязательно. – Врач дотронулась до плеча девушки. Полноватая, небольшого роста, с большими уставшими глазами. Казалось, никого, кроме этой девочки, для нее сейчас не существует. – Не волнуйтесь, все будет хорошо.

От этих слов на душе у Дарьи ромашки с васильками расцвели.

– У вас есть какие-нибудь документы при себе? – По тому, как майор смотрит на часы, Дарья поняла, что он должен срочно куда-то отбыть. Это устраивало ее лишь в том случае, если он не собирался прихватить с собой и ее.

– Права.

– Отлично. Лейтенант, спишите с нее данные, я должен ехать. И чтобы ни одна живая душа не проникла к нему в палату.

– Но у меня свое расследование...

– Прибудет наряд – вы свободны, а пока сидите здесь. А

вы, – посмотрел он на Дарью, – можете считать, что дали подписку о невыезде, и если выяснится, что сейчас вы не хотели говорить правду... В общем... – он похотливо окинул ее взглядом. – Меру наказания мы определим.

На улице было тепло. Обойдя корпус со всех сторон, она села на лавочку и, вынув листок, составила план коридоров, по которым шла к палате Антона. Затем Дарья встала лицом ко входной двери и без труда определила, где находятся окна реанимационной палаты.

Второй этаж. Не очень высоко. Но лезть рискованно. А дерева поблизости нет. Как ни чесались руки и ноги совершить дерзость, процедуру вторжения пришлось отложить до вечера.

* * *

Медсестра склонилась над Антоном. Ставит капельницу. Что-то говорит ему... Дарья подождала, пока она закончит, и тихо постучала в стекло.

Девушка – помладше ее будет – вздрогнула. Стараясь разглядеть, кто там за окном, она подошла поближе. Увидев Дарью, вопросительно задрала вверх брови и, судя по губам, спросила: «Что, совсем сдурела?» – одновременно покручивая у виска.

Стоя на шаткой лестнице, украденной из какого-то сарая, стоящего рядом с корпусом, Дарья не была склонна к долго-

му диалогу.

Указав на неподвижно лежащего Антона, она засунула этот же палец себе в рот и энергично подвигала им туда-сюда, а затем снова указала на Барова, произнося одними губами: «Любовь».

Медсестра замешкалась на минуту, затем принялась открывать раму. Когда между девушками больше не было никаких преград, медсестра резонно поинтересовалась, какого ей надо в три часа ночи на втором этаже больницы.

– Я его хочу, – оправдывалась шепотом Дарья, влезая внутрь.

– Может, ты и счастливая, но меня ты подставляешь здорово. Представляешь, что будет, если сейчас милиция сюда заглянет?

– А они и сюда входят?

– Вообще-то нет, сидят у дверей.

– Он приходил в сознание? – Дарья протянула медсестре сто тысяч.

Та прямо-таки выхватила бумажку.

– Только что. Может, он и сейчас здесь.

Ночная гостья подошла к кровати и посмотрела на Антона. Лицо его было бледным и слегка заросло щетиной.

– Антон, – прошептала она на ухо. – Ты слышишь меня?

Он открыл глаза и посмотрел на Дарью.

– Привет. Здорово бегаешь.

Дарья попыталась его обнять, но медсестра вовремя схва-

тила ее за руки.

– Совсем сдурела, – зашептала она. – Убить его хочешь?

Вытерев слезы, Даша вспомнила о деле.

– У меня нет времени. – Он смотрел на нее как-то изда-
лека, не совсем понимая. – Как найти бухгалтершу?

Антон закрыл глаза, давая понять, что вопрос понял.

– Только, умоляю вас, недолго, – шептала медсестра, боль-
шую часть времени следившая теперь не за щедрой посети-
тельской, а за дверью.

– В моей квартире сейф. Код – 29082.

Раздался звон разбивающихся о пол склянок.

– Пробирки, – сама не своя произнесла медсестра. – За-
дела.

Дарья уже не слышала ее. Она лезла вниз по лестнице.

«Только бы не рухнуть, только бы не рухнуть». Ноги тряс-
лись. Навернуться с узкой трубки, приваренной к двум тон-
ким уголкам, несложно.

– Что случилось? – услышала она натянутый тембр.

– Ничего, я просто разбила стекло.

– А почему окно открыто?

– Так ведь жарко.

– С этим пациентом надо обходиться очень осторожно.

– Меня предупредили. Я знаю. Она слезла вниз и затаи-
лась. Собравшись на дело, Дарья надела на себя все черное,
но, если охранник выглянет в окно, заметить ее не составит
труда. Прижавшись к стене, она постояла несколько секунд

и, убедившись, что опасность миновала, спокойно пошла к своей машине, припаркованной у автобусной остановки.

* * *

Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, что у квартиры Барова, если не внутри, вас будет ждать человек из милиции.

Дарья не рискнула сунуться одна и притащила с собой Валя.

– Если тебя спросят, зачем ты пришла, скажи, что работаешь на Барова и должна забрать из его письменного стола накладные с указанием розничных цен. Они лежат в верхнем ящике. Я знаю.

– Но у нас могут быть неприятности, – возражала Валя, сидя в машине и машинально отгрызая от порции мороженого маленькие кусочки. Вкус она вряд ли ощущала. Дарья сама делала то же самое, но и она скорее просто работала челюстями, нежели наслаждалась пломбиром.

– Речь идет об очень больших деньгах. Если все пройдет как надо, я куплю тебе любое кольцо из тех, что продаются у Барова.

– Но у него есть очень дорогие.

– Вот и хорошо, выберешь подороже. Ну что, пошли?

Они вошли в подъезд, и тут Валя задала самый ненужный вопрос:

– А ты что будешь делать?

– Зайду на минутку в туалет. Газировки опилась.

Сколько ни предполагай, а как на самом деле получится – никогда не догадаешься.

Он спустился по лестнице сверху. Крепкий, с каменной физиономией и полным отсутствием чувства юмора. В это время Дарья как раз возилась с замком. Несмотря на то, что у нее был ключ, отданный ей Баровым еще несколько дней назад, она еще ни разу не пыталась открыть дверь самостоятельно.

– Вы уверены, что не ошиблись квартирой? – Задавая вопрос, мужчина вынимал удостоверение сотрудника милиции.

– Я работаю у Барова и зашла забрать накладные, – как по шпаргалке сообщила Валя.

Дарья прекратила безуспешные попытки повернуть ключ.

– Вообще-то я живу здесь. У меня даже ключ есть, только замок постоянно заедает, и открывание квартиры – удел моего жениха.

– Лейтенант Грибов. – Он уже стоял рядом с ними, высокий, невозмутимый.

– Может, вы поможете? – Дарья отошла в сторону, приглашая лейтенанта показать, что он не только может сторожить, но и в состоянии отпереть дверь.

Взяв из рук дамы ключ, лейтенант присел, посмотрел в

скважину, что-то пробурчал себе под нос, вставил ключ, затем поднялся, поиграл с замком из стороны в сторону и, плавно прокрутив ключ против часовой стрелки, открыл дверь.

– Ой, спасибо! – воскликнула Дарья. – А то я думала, что и домой не попаду. Он ведь в больнице, надо кое-какие вещи собрать.

Но лейтенант не спешил отдавать ключ.

– У вас есть какие-нибудь документы, удостоверяющие личность?

Дамы не стали его томить и вынули паспорта. Он довольно долго листал их, потом вернул.

– Как я понимаю, вы живете здесь, а прописаны по другому адресу? – Лейтенант был настроен побеседовать, но ключ вернул.

– Да. – Дарья вошла в квартиру. Следом за ней двинулась и Валя.

– Боюсь, я не смогу оставить вас без моей персоны. – Он хотел было войти следом, но тут Дарья развернулась и встала на пороге.

– Боюсь, что в этом случае вы нарушите закон.

Лейтенанту ничего не оставалось делать, как отступить.

Оказавшись в квартире, Валя хотела спросить Дарью о чем-то, но та приложила палец к губам. Указав ей на стул, Данилова действительно стала собирать вещи Антона.

Сборы заняли не более пяти минут.

Дарья дала понять Вале, что она сейчас выйдет, и пошла в туалет.

Закрывшись изнутри, она отодвинула ящичек с освежителями воздуха и туалетной бумагой в сторону, затем подцепила ногтем кафельную плитку, которая, вместо того чтобы упасть, отошла в сторону. Дверка с кодовым замком охраняла доступ к внутренностям маленького сейфа. Набрав код, она вынула на свет тугую пачку долларов и крохотную записную книжку.

Теперь ей осталось только спустить воду.

* * *

Информация, оказавшаяся в руках Дарьи, наводила ее на мысль о неправильно начатой жизни. Надо было заняться торговлей ювелирными украшениями. Тогда бы у нее лет через пять тоже был бы двадцать один постоянный покупатель, шестеро крупных поставщиков, две «крыши», три половых партнера за границей, счета в Швейцарии, Германии и, конечно, «Хьюндаи».

На букву П она нашла адрес Польской и, не ожидая застать гражданочку дома, все же отправилась поглазеть, где же это такая Цветочная, 2-а.

Небольшой массив частных домов в паре остановок от Центрального рынка заставил ее покаруселить по узким, частично заасфальтированным дорогам.

Дом был спрятан за высоким сплошным забором, сбитым из широких досок. Чувствовалась хозяйская рука. Новенькая калитка. Аккуратно приделанные к ней звонок и номер дома. Что делается по другую сторону ограждения, разглядеть было невозможно. Разве только если залезть?

Дарья вышла из машины, прихватив с собой баллончик со слезоточивым газом.

«Что я скажу? Отдай „Воздыхателя“. Кажется, подобные претензии похитителей не устраивают. Что стало с Серебряковым? Я ведь так и не знаю. Наверное, его убили».

Она позвонила и сделала несколько шагов назад.

«Идут. Ноги шаркают, вряд ли это женщина».

Открыл ей пожилой крепкий дед.

– Вам чего?

– Клавдия Евгеньевна дома?

– Милочка, я свою дочь уже полгода не вижу. Не заходит, видать, вся заработалась. Вы ее подруга?

– Да. Она оставила мне этот адрес. Не знаете, как мне ее найти?

– Не знаю. Кобели мне ее надоели. Где она таскается, я сказать не могу.

– Ясно, спасибо. – Дарья попрощалась и пошла к машине.

Наивно было бы полагать, что все будет так просто. Взяла книжечку, прочитала адресочек, и все тебе готово.

Теперь пришла пора задать себе вопрос о возможных вариантах сбыта статуэтки. Где и кому?

Если они – Клава плюс киллер, а вероятно, еще и вор Витя – будут сдавать статуэтку здесь, к кому они пойдут или попадут? Ответить на этот вопрос мог только человек, работающий в ювелирном бизнесе. Полистав книжку, она нашла адрес Дениса. Вероятно, он пошлет ее подальше, но она готова платить, и это должно развязать ему язык.

Денис жил на первом этаже девятиэтажной одноподъездной коробки.

– Вам кого? – осведомилась грузная мадам, завернутая в выцветший домашний халат.

– Денис дома?

Окинув еще раз взглядом Дарью, она поджала нижнюю губу, а потом крикнула, чуть повернув голову:

– Деня, к тебе девушка!

Дарью не собирались приглашать пройти.

«Наверняка маман. Жирная и тупая. Замерла в дверях. Словно на страже девственности тридцатилетнего Дени».

Бывший старший продавец козырял по дому в шортах «Адидас». Больше на нем ничего не было. По сравнению с Антоном он был, как бы это помягче, несколько суховат.

Передав управление в руки сынули, маман скрылась с горизонта.

– Каким ветром?

– В Антона стреляли.

Глаза его резко расширились.

Только теперь он соизволил впустить Данилову. Прово-

див ее в свою комнату, Денис закрыл дверь и взволнованно поинтересовался:

– Что произошло?

– Я не знаю, но состояние его очень тяжелое.

– Ну ты же не станешь говорить ментам о камешках. Не думаешь же ты, что это я сделал.

– Я пришла не затем, чтоб тебя шантажировать. – Дарью устраивало то, что он боится, значит, будет разговорчив и попытается разойтись с миром. – Дай мне адрес человека, которому ты сдавал камни. Как его там зовут... Саня, Веня... что-то запамятовала.

– Слушай, – полушептал он, – ты слишком много хочешь. Откуда я знаю, может, ты придешь к нему с ментами, и тогда я уже не выкручусь. Антон обещал никому не говорить об этом.

– Я не собираюсь стучать. – Дарья сказала фразу во весь голос.

– Тише, тише, пожалуйста. – Он иногда озирался на дверь. – Я не хочу, чтобы жена была в курсе.

«Вот так парень залетел. Я-то думала, что это его мать. Старовата для жены».

– Мне нужно имя и адрес. – Если он боится, значит, можно продолжать давить. Страх способен выдавить из человека иногда очень много.

– Скажи мне, для чего, и, может быть, я помогу тебе и посоветую какого-нибудь еще дельца.

Он продолжал кривляться, но Дарья была неумолима:

– Адрес и имя.

– Ты можешь мне обещать, что о моей авантюре с камнями милиция не узнает? Покушение на убийство – серьезная вещь.

– От меня – нет. Обещаю.

– Не знаю уж, зачем он тебе понадобился... В общем, это Женя Опеков, он живет на Вольской, семнадцать, квартира два. Скажешь, что от Дениса, и тогда он станет с тобой разговаривать.

– Держи. – Дарья протянула ему сто долларов. – Если я еще как-нибудь загляну, ты ведь не откажешься мне помочь?

Он забрал деньги и заулыбался.

– Конечно. Заходи. Мне очень жаль, что так случилось.

* * *

Хорошо иметь машину. Перебраться на колесах из одного конца города в другой не составляет больших проблем. Села и поехала. Только врезаться не надо, а так все замечательно.

Кроме того, хорошо иметь сотовый телефон. Дарья сделала сие приобретение как бы в служебных целях, но сам кайф от обладания дорогой игрушкой затмевал в первые часы возможность дозвона до абонента из любой точки города.

В квартире под номером два расположился небольшой магазинчик, в котором торговали бытовой химией.

Дарья присмотрела себе зубную щетку и, расплатившись с продавцом, как бы между делом поинтересовалась, может ли она увидеть Опекова. Продавщица, шустрая худая девка, попросила подождать и скрылась в кухне, переоборудованной в подсобку.

К Дарье вышел сутулый широкоплечий мужчина в темно-сером костюме, примерно такого же возраста, как и Антон. Он был аккуратно причесан и чисто выбрит. Его внешность тянула минимум на замзавунивермага, но никак не на владельца крохотной торговой точки.

– Вы хотели меня видеть? – Он был вежлив. Запах дорогого одеколona дурманил сознание. Требовалось время, чтобы свыкнуться с несколько грубоватым ароматом роз.

– Мне рассказал о вас Денис. – Дарья говорила медленно.

– Вы бы могли и не говорить. У вас изумрудные глаза, а с этим только ко мне.

Она не ожидала, что ей начнут публично говорить комплименты.

– Идите за мной в мою нору. Там я вас внимательно выслушаю. У меня уже есть один посетитель, но, я думаю, он нам не помешает.

– Но я надеялась на разговор тет-а-тет.

– Ничего. Тогда мы его выпроводим. – Он уже звал ее за собой. Не стоять же, как упрямая коза посреди огорода.

Войдя в кухню, она сразу же узнала гостя Опекова. Он сидел к ней спиной за маленьким столиком и, судя по запаху,

пил чай с лимоном.

– Познакомьтесь, – негромко произнес Опеков, привлекая внимание гостей.

Мужчина обернулся. Встретившись с Дарьей глазами, он заулыбался.

– Берестов Федор... – А потом узнал окончательно. – Здравствуйте, – протянул коллекционер, – вот так встреча. Вы, я смотрю, решили всерьез заняться бизнесом.

– Вы знакомы? – Для Опекова это было небольшой неожиданностью.

– Мы встречались в «Афродите». Когда один продавец хотел обмануть уважаемого покупателя.

– Как вас зовут? – ласково пропел Опеков.

– Дарья.

– Дарья, садитесь вот сюда. – Он пододвинул ей стульчик. Большая часть комнаты была забита коробками со стиральным порошком и мылом, поэтому им приходилось тесниться вокруг крохотного столика. – И мы сейчас обсудим все ваши проблемы. Ну а с вами, Федор Яковлевич, мы уже договорились. Теперь до свидания, до следующей пятницы. – Владелец магазинчика протянул руку посетителю, чье дальнейшее присутствие уже было нежелательно.

– Ну что ж, – поднялся Берестов, – я пойду. Мисс, вот вам моя карточка, звоните, приходите, всегда буду рад вас видеть.

– Может, вы останетесь? – попросила Дарья. – Вы, навер-

ное, не знаете... в Антона стреляли.

– Неужели! Тот самый человек, который...

– Он самый, что предотвратил продажу вам подделки.

Берестов покраснел и, тяжело дыша, опустился на стул.

– Куда мы катимся, господи! В нас уже стреляют. И вы не знаете, за что?

– Я расскажу, потому что мне нужна помощь.

– Не сомневаюсь, что нам будет о чем поговорить, – засуетился Опеков, ставя на плиту новый чайник. – Можете начинать и не обращайтесь внимания на мои хлопоты. Вы вроде как у меня в гостях. А законы гостеприимства обязывают...

Дарья прочистила горло:

– Я очень рада, что застала здесь не одного, а сразу двух человек, делающих бизнес на драгоценных украшениях. Произошло следующее: бухгалтерша магазина и один из охранников обворовали Антона Барова. Мы смогли их вычислить, и тогда нас решили убить. Я вывернулась, а Антону досталось три пули.

– Какой ужас... – Страх коллекционера не выглядел поддельным. Он вообще был человеком впечатлительным и импульсивным, а тут свидетель ужасного покушения рассказывает им все в подробностях.

– Простите, я не понял, в вас тоже стреляли? – Опеков разливал по чашкам кипяток.

– Да, но Антон смог нейтрализовать охранника. Похоже, убили только любовника бухгалтерши, к которому мы при-

ехали.

– Там на вас и напали? – снова уточнил Опеков.

– Угу... – Дарья отхлебнула чайку. – Он просто завалил охранника на пол, а я проскочила в дверь. Они выкрали из сейфа одну очень ценную вещь, которую Антон привез из Турции. Я никогда не видела ее. Знаю только название и примерное расположение фигурок. – Торгаши затаили дыхание. Они не были детьми и понимали, что из-за пары даже очень дорогих сережек пальба вряд ли начнется. Пахло большим толстым куском. – Это «Рубиновый воздыхатель».

Опеков размешивал сахар в чашке и, когда услышал название, сделал неловкое движение, после чего некоторое количество жидкости разлилось по клеенке.

– Извините меня.

Столь очевидный прокол не остался незамеченным.

– Женя, вы знаете, о чем идет речь? – Коллекционер мог обращаться к Опекову по имени, потому как был лет на двадцать старше.

Быстренько подтерев нервы со стола, скупщик попросил его обождать и вышел в ванную. Оттуда он вернулся с большой красивой книгой.

– Английское издание, тысяча девятьсот девяностый год. Можно сказать, новая. – Он не стал ее класть на стол. Показав суперобложку, на которой был изображен огромный индийский храм, он перевел название: – «Индийское искусство начала второго тысячелетия. Одиннадцатый и двена-

дцатый века». Здесь описана небольшая толика тамошних сокровищ, но эта работа здесь есть.

С помощью именного указателя он быстро добрался до нужной страницы и резко развернул книгу, так чтобы Дарья и Берестов могли взглянуть на пропавший предмет.

Дарья не знала, что рот у нее открыт, на протяжении следующих пятнадцати секунд. Что в это время творилось с Федором Яковлевичем, пока еще не имеет клинического описания. Несмотря на то что он жил, его состояние нельзя было назвать осознанным существованием, скорее это был бред, противоположный ощущениям умирающего.

Зрители медленно приходили в себя. Надо было отдать должное авторам фотографии. Мужчина-«охотник», готовый к соитию, замер позади женщины-«дичи», положив ей одну руку на спину, а второй придерживая огромный рубиновый фаллос. Глаза партнеров были сделаны из больших алмазов, ногти – изумруд. Вся композиция покоилась на подставке, выполненной из огромных кусков янтаря.

Повернув книгу к себе, Опеков стал читать описание. Судя по всему, английский он знал весьма неплохо.

– «Рубиновый воздыхатель». Композиция, сделанная неизвестным мастером в начале одиннадцатого века из золотого самородка. Согласно древней легенде, наука о любви была изложена самим Самосущим, то есть богом Брахмой. В храме бога Брахмы в Мадрасе по настоящее время и стоит эта работа. Общий вес изделия – пятьсот сорок два грам-

ма. По оценке специалистов, рубин имеет массу в сто два карата. Бриллианты в глазах партнеров по двенадцать карат. Янтарная подставка весит сто сорок три грамма. Кроме чисто материальной, композиция имеет также и историческую ценность.

– Это же... Да если только камни распилить, я уж про золото молчу... – Берестов лихорадочно шевелил губами. – Пятьдесят-шестьдесят тысяч, не меньше.

– А если оставить все как есть, то и за сотню перевалит, – подлил масла в огонь Опеков. – Даша, вы говорите, он привез это из Турции... Ему вначале очень повезло, а сейчас, я смотрю, удача отвернулась от него.

– Если ее найдет милиция, то работа будет передана братскому индийскому народу. – Дарья осушила чашку в два глотка. Она была возбуждена не меньше торговцев. – А Антону еще придется объясняться, откуда она у него.

– Но он может не говорить, из-за чего в него стреляли.

– Действительно. – Дарья даже улыбнулась. – Вероятно, дело можно представить как разборку между любовниками... только осталось ответить на вопрос, что делал там Антон. Обо мне речь пока вообще не идет.

– Что же вы, Даша, хотели от нас? – Теперь Берестову явно было обидно, что кто-то даже держал в руках эту вещь, а он должен довольствоваться лишь фото. Его манера сменилась с вежливой на небрежно-деловую.

– Я думаю, «Воздыхателя» попытаются продать. И мне хо-

чется узнать, на кого они могут выйти.

– Теперь я улавливаю ваши потребности. – Опеков все еще как бы машинально продолжал листать книгу. – Денису вы тоже вот так сели и все рассказали?

– Нет, он ничего не знает.

– Постойте, – встрепнулся Федор Яковлевич, – так, кажется, звали продавца-обманщика. Он подsunул мне кольцо со стеклом вместо бриллиантов. Вы случайно не знаете Дениса, работающего в «Афродите?»

Опеков скривился.

– Вы поощряли его, скупая камешки, которые он вытаскивал. Да?

– Я не имею привычки интересоваться происхождением вещей, которые мне приносят, – парировал перекупщик. – Это всего лишь бизнес.

Иностраннным словечком в последнее время в России оправдывают все, вплоть до убийства. И это, в общем-то, получается. А что здесь возражать? Бизнес. Прибыль превыше всего. Надуть ближнего своего – как медаль «За отвагу» на поле боя получить.

Аргумент подействовал и на Берестова.

– Хорошо, забудем. Наверное, сейчас мы должны помочь даме. И, будем надеяться, наши усилия не забудут.

– С тем, кто сообщит что-нибудь интересное, я готова вести дела и дальше. – Дарья отсчитала каждому по пятьсот долларов. – Мне нужна информация о любых попытках

сбыть часть композиции или всю ее целиком.

– Вы противостоите очень лихим людишкам, – предостерегающе высказался Берестов. – Они готовы убивать.

– Но их всего двое. Это мужчина и женщина, мы же знаем. Вот номер телефона, это сотовый. – Она вытащила из сумочки аппарат. – Он всегда со мной. Звоните.

– Мы попробуем, – высказался за двоих Женя Опеков. – Только если уж вы взялись за частное расследование, задайте себе вопрос: «Откуда продавец и бухгалтер знали, что лежит в сейфе у шефа?» Он ведь им ничего не показывал, верно?

Дарья задумалась, затем встрепелась и, не желая оставаться больше в гнусной компании любителей поживиться, подвела черту:

– Хорошо, будем искать. Я рассчитываю на вашу помощь. Эти Берестов с Опековым – как два навозных жука. Роются в куче жизни, выискивая, что бы им такого сожрать. И не важно, как им досталось добро, главное, что оно есть, главное, что теперь оно у них. Жажда захватить побольше никогда не покидает их, наверное, даже во сне им снятся копи царя Соломона и то, как они строят замки из бриллиантов.

Одевшись в строгие костюмчики и отглаженные рубашечки, они сидят в своих норах-подсобках и поджидают очередную жертву. Теперь такой жертвой стала Дарья. Что она может без них, без навозных жуков? Ходить из угла в угол по опустевшей квартире Антона, грызть ногти да кусать локти.

Все-таки ее не покидало ощущение толково проделанной

работы. Хорошо, что у нее есть возможность платить. Когда платишь, жуки тебя понимают, они тебя любят. Ты платишь только за то, что они, может быть, что-то расскажут, может быть, что-то узнают. Это правило. Правило, которое придумали игроки навозной кучи.

Время от времени куча изрыгает из себя возможность нажраться на халяву, и тогда один, два, а иногда и сразу несколько навозников лезут на запах наживы, распахивая конкурентов и по возможности отгрызая им конечности.

* * *

Колбин нервно выстукивал по кафельному полу чечетку. Получалось в общем-то неплохо, Дарье даже понравилось. Пока она приближалась к нему, он успел отбить сотни полторы ударов. Как ни странно, пока никто не сделал ему замечание.

– Добрый день, – поздоровался он, прекратив свое неосознанное выпендрючивание. – Снова пришли?

Вопрос был идиотский, но обычно именно с таких фраз, как, например: «Приехали? Быстро вы обернулись?» или: «Дела идут в гору, да?», и начинается разговор почти незнакомых или совсем незнакомых людей.

– Он не приходил в сознание? – Дарья знала, что приходил, но официально ей об этом не было известно.

– Да, у него будет все хорошо.

– А где охрана? Говорили же, что будет охрана?

Лейтенант по-мужски крикнул.

– Они сейчас не нужны. Прислали меня.

Даниловой хотелось расхохотаться ему в лицо. Тот, кто ворвался к Серебрякову и открыл стрельбу, разделался бы с этим служителем закона за секунды.

Она не сомневалась, что их чуть не порешил профессионал или, в крайнем случае, человек, который уже однажды убивал. А что может этот молокосос?

– Как вы думаете, мне удастся поговорить с ним сегодня?

– Извините, но только после меня. И если я исчерпаю весь лимит отведенного врачами времени, вы не должны обижаться. Мы же ищем убийцу.

– Тот, кто стрелял в Антона, убил кого-то?

– Да. Хозяина квартиры, в которой произошла эта разборка, мотив которой нам пока непонятен. Вы не скажете время?

Дарья сказала.

– Мне надо позвонить. Контрольный отзвон Серегину, понимаете?

«Полудурок лейтенант звонит круглому дураку майору».

Он подошел к посту дежурной медсестры и, с разрешения милой, слегка помятой дамы, связался с начальником.

– Добрый день, товарищ майор. Лейтенант Колбин из больницы. Пока все впустую... Она здесь сидит. – Его голос стал звонче. – Есть. – Он повесил трубку и чуть ли не стро-

евым шагом – орленок на ответственном задании – подошел к Дарье. – Вам придется проехать в отделение. Сейчас приедет лейтенант Грибов.

– Вы с ним как Давид с Голиафом.

Маленький щупленький Колбин был действительно по сравнению с высоким широкоплечим Грибовым все равно что цыпленок перед петухом.

– Если мне не изменяет память, у Давида с мозгами было получше.

– Скорее, Голиаф болтал поменьше, – уела его Дарья и, не желая больше разговаривать, повернулась к нему спиной.

* * *

Майор сидел в кабинете и пил кефир.

– Извините за то, что вы застали меня за приемом пищи, но это делу не помеха.

– Приятного аппетита. – Дарья села, забросив ногу на ногу. Товарищ милиционер чуть не поперхнулся.

– Сейчас подойдет эксперт. Будем сравнивать голос звонившей женщины. – Он откусил от булочки с маком кусок и стал пережевывать ее вместе со словами: – И ваш.

– Не надо, это я звонила.

– Угу, – согласился майор, – ы-ы. Не будем терять времени. – Разжеванный кусок прошел в пищевод. – Что же там такое случилось? Из-за чего пальба?

– Мы с Антоном зашли к мужу... к будущему мужу его бухгалтерши, чтобы попросить передать ей, что надо в воскресенье выйти на работу.

– Видать, пешком пришли. – Майор беспардонно высморкался. – Шины все у иномарки спущены. Она там, кстати, до сих пор стоит, наверное. Может, кто не ленивый нашелся, надул баллоны и поехал.

– Там сигнализация.

Почесав затылок, Серегин неожиданно рывкнул на Дарью, одновременно ударяя кулаком по столу:

– А может, хватит дурочку валять?! Ты думаешь, мы тут все без мозгов и без яиц?! Ошибаешься, девочка! Какого хрена вам понадобилось идти в квартиру к какому-то пьянчужке, слесарившему в частной конторе?!

– Я же сказала. – Дарья слышала, как обрабатывают в милиции, но сама ни разу еще не попадала под мощный психологический пресс. Когда на тебя орут, в голове поднимается вихрь, который размазывает все возможные фантазии по стенкам черепа, оставляя сердцевину – чистую правду, которая так и просится на язык. – Мы зашли к любовнику бухгалтерши...

– Чтобы сказать ему, чтобы он передал бухгалтерше, что ей надо выйти на работу в воскресенье. Но никакой любовницы на похоронах не было! Или она очень тайная любовница? Или он еще не успел ее приручить?

– Я не знаю, – тихо произнесла Дарья под нос.

– Ну а как выглядел тот, кто в вас стрелял там в упор, ты знаешь?! Ты понимаешь, дуреха, что киллер не успокоится, пока тебя не убьет! Ты ведь видела его, и вместо того, чтобы говорить и каяться у меня в ногах, ты исходишь говном и тешишь себя мыслью, как умно обманываешь взрослых дяденек! Да, Данилова?! Видел?! Он тебя видел?!

Дарья не знала, куда ей деться от этого крика, и непроизвольно заревела.

– Он стрелял в меня, – провыла она.

– А-а-а! Проняло! Как я рад, твою мать, что ты наконец поняла, что, пока ты играешь в молчанку, он, может быть, следит за тобой и только ждет удобной минутки, чтобы расправиться. Не слишком ли благородно с твоей стороны выгораживать того, кто отправил на тот свет одного человека, а может, и не одного... и, кроме того, чуть не пристрелил твоего кавалера и тебя? Девочка, опомнись. Пора начать говорить. Мы теряем время. Для начала опиши, как он выглядит.

Дарья успокоилась за счет нескольких глубоких вдохов.

– Это Виктор, он из охранного агентства, которое охраняло магазин Барова.

– И это было так сложно? Девочка, ты понимаешь, что вчера вероятность поимки убийцы была очень велика. Сейчас она уже меньше раз в пять. Даша, ты целые сутки покрывала убийцу человека. Ради чего? Какие у тебя причины не отдавать киллера органам правосудия? Страх? Сомневаюсь. Если бы ты боялась, ты бы ночевала у нас здесь в дежурной

части. Но ты, рискуя собственной жизнью, продолжаешь мотаться по городу. Ты – живой свидетель преступления. Если еще и с Антоном все будет в порядке, то ему от вышки не уйти.

Майор снял телефон и, бросив гневный взгляд на рассопливившуюся Дарью, пробурчал в трубку:

– Михалыч? Серегин. У тебя ребята есть свободные? Надо будет к одному скоту на квартиру съездить. Вначале потихому, а потом, может, и пошуметь придется... Да, есть наводка. – Нажав на рычаг, он снова принялся тыкать на кнопки. – Грибов? Зайди ко мне. Сейчас срочно за адресом охранника Виктора. Какое агентство охраняло магазин Барова?.. «Щит»? Вот туда и поезжай. – Он посмотрел на Дарью. – Как выглядел этот Виктор?

– Молодой, широкоплечий...

– Они там все такие. Приметы есть особые... шрамы, усы, борода, татуировки.

Дарья задумалась.

– Сто один, цифрами, между большим и указательным пальцем, то ли на левой, то ли на правой руке. Я успела запомнить это, когда... – Она не хотела говорить, что плотно беседовала с охранниками наедине. – Когда болтала с ним, дожидаясь, пока Антон освободится.

– Какая, девочка, ты дура, – снова обозвал ее майор и вновь вернулся к лейтенанту Грибову. – Это только предположение, но, похоже, наш стрелок из сто первой дивизии

внутренних войск, расквартированной в Ростове-на-Дону. Только этого дерьма не хватало. Похоже, у него не сложилась юность. Татуировка у него, «сто один» на руке. Все, давай.

– Это плохо? – Только теперь до Дарьи стала доходить суть.

– Даже если этот Витя никогда и нигде не воевал, а это маловероятно, учитывая, как беспокойно сейчас у нас на Кавказе, мы имеем дело с подготовленным сукиным сыном. Тебе легче? Почему ты не говорила о нем?

Дарья молчала.

– Неужели ты думаешь, что я тебя выпущу отсюда?

– Вы ведь найдете его?

– Мы постараемся, а вот ты ведешь себя очень плохо. Мне что, приказать, чтобы из тебя душу вытрясли?

– Не надо. Я скажу.

– Слушаю. – Майор надел на нос очки, взял в руки ручку и приготовился записывать на пока еще белом листе бумаги. – Кратко. Причина, по которой вы, Дарья, не называли личность убийцы?

– Он, то есть они украли у Антона очень ценную статуэтку...

* * *

Дарья сидела около кровати Антона и теребила край простыни.

– Не волнуйся, ты не виновата, это я втянул тебя, – тихо говорил Баров.

Со дня операции прошло четверо суток. По мнению врачей, он очень быстро шел на поправку, и это не могло не радовать.

– Но я рассказала им все.

– Не вини себя. К тому же в словах майора трезвый подход. Убийца может попытаться добраться до тебя.

– И до тебя тоже!

– Тише, тише... – Он закашлялся. – Хочешь, чтобы тебя выгнали отсюда раньше времени?

Она поцеловала его.

– Хорошо, я буду вести себя как положено. Только что же мне теперь делать? Неужели им так вот и удастся нажиться за твой счет?

– Вероятно. – Он смотрел на нее.

В его взгляде не было ничего, что говорило бы о меркантильных мыслишках. Казалось, он смирился с потерей «Воздыхателя».

– Знаешь, тут ко мне заглядывал майор, мы с ним поговорили с глазу на глаз, и он пообещал, что если кого-нибудь из этой парочки поймают, то вопросы, касающиеся статутки, не попадут ни в один протокол.

Новый поцелуй был лучше прежнего. Он получился более горячим, страстным, наполняющим энергией.

– Ты умница, – прошептала она.

– Просто ему главное найти убийцу, а остальное... В общем, жить хотят все.

– Я поняла. Ты думаешь, Серегин найдет их?

– А тебе не терпится решить все проблемы самостоятельно, да?

– Я вот тут подумала... Может, мне съездить в Ростов-на-Дону, по одной из версий охранник проходил там службу, и, если ему потребуется помощь, он может обратиться к бывшим сослуживцам.

– Нет, – тут же отмел Баров эту идею, – сослуживцы могут быть разбросаны по всей стране, к тому же он служил не офицером, а солдатом. Какие связи у солдата? Другое дело, можно проверить, с кем он служил, тогда, может, что-то и выплывет. Ты поговори с майором на эту тему, пусть он дергает рычаги, а я бы на твоём месте добрался до Гоги. Неужели он нанял этих людей, чтобы вернуть обратно купленную у него же вещь? И это после того, как слупил с меня восемьдесят пять штук.

Теперь, когда мы знаем, что «Воздыхатель» краденый, я тут прикинул, что тот же Гоги недобрал с меня тысяч десять, не меньше, значит – старался быстрее продать, а потом у него выиграла жажда обладания, и он взял да и слишком далеко зашел. Деньги у тебя есть. А загранпаспорт?

Дарья и не предполагала пока покидать пределы Отечества.

– Нет. Ты хочешь, чтобы я съездила за границу?

– В Турцию. Он от тебя был бы без ума, я его вкус знаю.

– И ты не против, чтобы он был со мной?

Баров откинул простыню, все его тело было в бинтах.

Глаза у Дарьи расширились от осознания огромной боли, которую пришлось перенести Антону.

– На войне все средства хороши.

– Я поняла. – Она смотрела ему в глаза. – Мы будем мстить, да?

– Только если это действительно он.

– Но как мы узнаем?

– Тебе надо познакомиться с ним. Я позвоню Гоги и приглашу приехать в Россию. Якобы по делам. Ты возьмешь пару дорогих колец из того, что у меня осталось, и предложишь ему. Он давно их у меня просит. За них он тебе заплатит пятнадцать тысяч. Одно – сделано в восемнадцатом веке во Франции и уйдет за пять тысяч, другое – перстень с изумрудом, пришло к нам откуда-то с Востока, за него он отдаст десять. О цене я договорюсь. Тебе только останется отвезти кольца, получить деньги и скачать с него как можно больше информации.

– Нет, так ничего не выйдет. Если ты предложишь ему что-то из своих украшений, то какие у меня шансы? Неужели этот Гоги станет откровенничать со мной, зная, что я связана с тобой?

– Ты можешь предложить что-то другое?

– Можно достать что-нибудь интересное. Я сама бы по-

звонила и предложила ему товар.

– Ладно, – оживился Антон, – товар найдем. Сложнее с твоей легендой. Откуда ты знаешь его телефон? Кто тебе сказал? В России всего несколько человек связаны с ним.

– Значит, придется мне его просто снять.

– И ты уверена, что у тебя это получится?

– Есть идея. Позвони ему и напрямую скажи, что тебя подстрелили. Скажи, что попал в трудное положение, что готов продать кольца. Он сюда приедет, а дальше – дело техники.

– Да... – Он лукаво взглянул на девушку. – Ты техничная, я знаю.

* * *

Гоги Горидзе оказался, как и предполагала Дарья, очень волосатым мужчиной. Растительность на руках и груди пробивалась наружу из-под легонькой рубашечки с коротким рукавом. Волос его был черным, а кожа столь темна, что заметить его на фоне пока еще бледных саратовцев было проще простого.

Он был чуть выше среднего роста. Плотный.

Переваливаясь из стороны в сторону, Гоги не спеша пересек саратовский аэропорт. На выходе его уже подловил таксующий частник и увлек за собой к старой «Волге».

Дарья постепенно вживалась в роль топтуна. Возможность разоблачения щекотала нервы. Главное – не перегнуть

палку, иначе Гоги мог заметить, что за ним следят. Правда, Дарья справедливо считала, что объект вроде бы и не должен обращать уж особо много внимания на происходящее за его спиной после двух перелетов: из Стамбула в Москву и из Москвы в Саратов.

Сам процесс понравился ей сразу же. Держать дистанцию и в то же время не упускать из виду. Чем не забава для взрослых? Причем всегда существует вероятность прокола, а это не дает расслабиться ни на секунду.

Белая «Волга» спустилась с горы, на которой расположился аэропорт, в город. Попетляв по улицам, водитель отвез Горидзе к Сенному рынку, рядом с которым была гостиница с рестораном.

Дарья рассчитывала на то, что Гоги пойдет устраиваться в гостиницу, но вместо этого он не отпустил машину, купил апельсинов и отправился в больницу к Антону.

Надо было срочно что-то предпринимать, то есть как-то знакомиться. Иначе клиент просто по-быстрому совершит сделку и улетит обратно в столицу, а оттуда к себе домой.

Даша подошла к вопросу соблазнения весьма серьезно и купила для этого дела нежно-оранжевый деловой костюм. Волосы были аккуратно уложены наверху в шишку, ногти покрыты бледно-розовым лаком. Сама ухоженность, спокойствие и уверенность в завтрашнем дне.

Следуя за Горидзе, она пыталась что-то придумать. Как к нему подобраться? Ведь ему явно наплевать на то, что Антон

ранен. При условии, конечно, что не он приказал его убить. В этом случае Гоги должен быть в ярости от тупости и неумелых действий Виктора. Но здесь все очень просто. Раз уж он приехал сюда, неужели упустит возможность встретиться с исполнителем или посчитает это рискованным?

Дарья решила следить за турецким грузином до последнего. Если он ничего не затевал, тогда на все про все у него уйдет всего десять-пятнадцать минут. Поговорит с Антоном, отдаст ему деньги, заберет кольца и уедет в свой Стамбул. Гоги без проблем добрался до палаты Антона. Вот тут все пошло наперекосяк. Дарье было необходимо, чтобы сделка состоялась, после чего гость должен был либо отправиться обратно в аэропорт или в гостиницу ночевать – время уже четвертый час пополудни, – либо поехать к кому-то в гости. Дарья очень рассчитывала на «гости», но повезет ей или нет, она не знала.

Здоровый охранник в бронежилете и с укороченным автоматом ничего не хотел слушать.

– Посещения запрещены. Идет следствие.

– Но я прилетел специально к моему другу из Турции. – Акцент у него был очень сильный, но говорил он правильно.

Дарья стояла в стороне развесив уши.

– У меня приказ. – Парень смотрел сквозь Гоги, как сквозь пустоту, и ничего не хотел слышать.

– Мне хватит пяти минут, – умоляющим тоном просил Горидзе. – Я только передам ему апельсины.

– Оставьте на стуле. Подойдет медсестра, заберет и внесет в палату.

– А родителей вы тоже к нему не пускаете?

Терпение у сержанта неожиданно иссякло.

– Ваши документы, – попросил он, протягивая руку.

Горидзе не стал спорить и отдал ему что-то похожее на паспорт.

Дело застопорилось. Она надеялась, что Гоги попытается дать взятку и пройдет, но он, судя по всему, не хотел рисковать. Когда милиционер вернул несостоявшемуся визитеру документы, Дарья уже знала, что делать.

К сожалению, в отделении не оказалось медсестры, дежурившей в ту ночь, когда Даша нелегально навещала больного. Позже она выбила себе разрешение и на правах невесты навещала Антона каждый день. Но по коридору туда-сюда сновало множество женщин в белых халатах, и надо было выбрать всего одну, такого же роста и телосложения.

Представать сейчас в качестве девушки Антона ей было невыгодно. Она могла бы, конечно, подойти и предложить помощь. Мол, давайте передам и все такое, но тогда шансов разузнать что-нибудь о планах Горидзе у нее не было. Он не станет откровенничать с девушкой Антона, он может вообще не откровенничать. Зачем ему рассказывать, какой он плохой дядя?

– Здравствуйте. – Дарья мило улыбнулась охраннику, который уже знал ее в лицо.

На Дарье был белый халат и шапочка, не принять ее за медсестру мог только тот, кто здесь работал. Горидзе как раз был тем человеком, который не имел никакого отношения к персоналу больницы.

– Вы что-то хотите передать пациенту? – вежливо осведомилась она у Гоги.

Маскарад ей обошелся в пятьдесят тысяч рублей – деньги, в общем-то, никакие.

– Вы просто мое спасение, дорогая, – просиял Гоги, выставляя ослепительные зубы из-под густых усов. – Можно, я напишу записку?

Дарья добросовестно выполнила роль почтальона, не забыв обнять и расцеловать адресата перед тем, как вручить ему послание.

– Он здесь? – шепотом спросил Антон.

На его бледных щеках появился едва заметный румянец, и это радовало Дарью.

– Здесь, – в тон ему ответила Дарья, передавая записку.

– «Я приехал. Гоги», – огласил Баров послание. – Надо что-то делать. Не будет же он жить здесь до тех пор, пока следствие не закончится. Сможешь передать ему кольца?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.